

Галина ЛАВЕЦКАЯ

ВРЕМЯ СКОРПИОНА

Галина Лавецкая

Время Скорпиона (сборник)

«Спорт»

2012

ББК 47.2.1.2.1

Лавецкая Г. С.

Время Скорпиона (сборник) / Г. С. Лавецкая — «Спорт», 2012

ISBN 978-5-904885-93-9

Книга Галины Лавецкой включает в себя три повести – «Время Скорпиона», «Арбатский дождь», «И печали, и радости». Три истории о любви, дружбе, одиночестве. И вообще о жизни. Повести отличаются глубиной психологического анализа, убедительностью образов и читаются на одном дыхании.

ББК 47.2.1.2.1

ISBN 978-5-904885-93-9

© Лавецкая Г. С., 2012

© Спорт, 2012

Содержание

Предисловие	7
Время скорпиона	8
Арбатский дождь	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Галина Лавецкая Время Скорпиона (сборник)

© Лавецкая Г. С, 2012

© Издательство «Человек», 2012

* * *

О себе. Москвичка средних лет. Рифмоплет, но к прозе отношусь серьезно. Читать научилась рано, с тех пор своей жизни не представляю без книги. В школе училась средне. На уроках писала романы о средневековой Франции и сценарии о «взрослой» любви. Мечтала поступить во ВГИК на сценарный, даже на режиссерский. Знакомый кинорежиссер советовал подавать документы на актерский, это реальнее... Не подала никуда. Влюбилась, вышла замуж и уехала с мужем за границу. Побывала в разных странах, даже горячих точках.

Видела войну. Страха не было, вероятно, из-за молодости. Но Бог уберег. А вообще пишу. О разном. Но все же больше о любви.

Галина Лавецкая

Предисловие

О любви мечтает почти каждая женщина. Независимо от цвета кожи, уровня интеллекта и социальной принадлежности.

Романтическая любовь уходит в прошлое. Мир словно сошел с ума, захлебнувшись кровью терактов, борьбой за власть и деньги. Деградация человеческих отношений, убогость нравов... Где уж тут найдется место любви?

Но нет, поэты правы – любовь бессмертна.

Она делает мир прекрасным, а женщин красивыми. Нет готовых рецептов для счастливой любви, как нет лекарств от несчастной. Одной для счастья надо, чтобы ее любили все вокруг, другой важно любить самой, третьей нужен один-единственный, чужой и недоступный, а кому-то необходимо покорить, подчинить и разрушить.

Моим героиням тоже нужна любовь. К сожалению, очень часто не удается сохранить это чувство. По разным причинам. И на смену любви приходит одиночество. Или свобода, для кого как... Но жизнь продолжается. В чем искать поддержку? В дружбе, работе, детях?

В этих историях нет прототипов. Мы все такие разные, но так часто совершаем одинаковые ошибки. Поэтому большинство историй о любви в чем-то схожи. Как канва для вышивки. А на канве моих историй рисунок вышит лишь фантазией автора. Любое совпадение случайно.

Время скорпиона

История одной переписки в сети

Посвящается Иосифу

Скорпион, но себе кажусь сущим ангелом (по совершенно непонятной причине есть люди, не разделяющие этого мнения).

Nataly

Привет, Иосиф! Вы потрясающе выглядите на фотографии...

Иосиф

Здравствуйте, Nataly! Меньше всего ожидал столь оглушительный комплимент. Когда опомнился, посмотрел на себя в зеркало, оно под моим взглядом расплавилось, этот молодой Нарцисс постарел на глазах, но я позволил ему чистить мои туфли и читать вслух мою корреспонденцию. Стоя, разумеется... Ну а если без шуток, то, во-первых, врожденная ироничность спасает от слишком серьезного отношения к себе, а во-вторых, с удовольствием возвращаю комплимент: на одной из фотографий Вы выглядите, как танцовщица фламенко. В ней больше, чем в других, скрытого огня, это притягивает. Но как Вас занесло в Лиссабон?

Nataly

Добрый вечер, Иосиф! Мне действительно понравилось Ваше фото. Хорошо и со вкусом сделано. И пара фраз привлекли внимание. Редко удается прочитать ироничные строчки о себе, любимом. Я не претендую на долгое виртуальное общение. Просто не люблю. Мне необходимо слышать голос, видеть глаза, чувствовать молчание...

Спасибо за изысканный комплимент! К сожалению, фламенко танцевать не умею – у испанок это, наверное, врожденное. Надо впитать с детства палящее андалузское солнце и пьянящий вкус риохи... Но то, что я похожа на испанку, мне здесь говорят довольно часто.

В Лиссабон занесло, разумеется, ветром. Теперь наслаждаюсь вкусом превосходного кофе в маленьких кофейнях на продуваемой соленым океанским бризом набережной и жду, когда на горизонте появятся алые паруса. В этой стране с давними флибустьерскими традициями все возможно!

Иосиф

Во имя всех святых – это ножом по сердцу! Южанину, сидящему в дождливой и до бесполости стерильной Германии, где купленные розы не пахнут, рассказывать про солнце, кофе и запахи.

Скорпионы не склонны к мазохизму, но – соль на рану – я сам допишу этот пейзаж...

В июле я был дома, в Армении – и каждый раз по-новому и все то же самое... Сорок два в тени... плавающая жара и это сюрреальное чувство нежелания двигаться... странная смесь из притуплённых внешних рефлексов и медленно нарастающего непонятного возбуждения... По-кошачьи ленивые жесты южанок и этот, словно не заметивший тебя черно-блестящий взгляд, но гласные в словах тянутся чуть дольше... и сладкий вздох духов, ускользающий в жаркий запах влажной кожи... От мягких толчков в аорте глоток горького густого кофе отвлекает только на секунду...

Nataly

Нахожусь в замешательстве... рассказывать про свои лиссабонские впечатления – значит вызвать у Вас новый приступ ностальгии. Прочитав Ваше письмо, будто увидела южное небо с огромными звездами, ощутила этот вечер, наполненный пряными ароматами, густой плотный запах кофе, расслабляющую, блаженную лень...

Иосиф

Добрый вечер, Nataly!

Совсем наоборот – я бы просил и дальше рассказывать о Вашем Лиссабоне. А что до ностальгии, то это иногда приятно испытать. Если рассматривать ее с чувственной точки зрения, то, к примеру, второй поцелуй – не что иное, как ностальгия по первому. (Вот всегда знал: умен не в меру... оттуда все проблемы). Я сам люблю живое общение, видеть глаза, жесты, слышать голос, интонации, паузы... Но в Вашем (нашем) случае читать Ваши теплые от впечатлений письма – для меня просто отдохновение. И по-скорпионовски самонадеянно уверен (не слушайте его, просто надеюсь), что Вы также ждете мои письма, как и я – Ваши. Спокойной ночи!

Nataly

Добрый вечер, Иосиф!

У нас стоит изнуряющая жара! Плавятся мозги и асфальт! Работаю только по вечерам. В отличие от соседней Испании у нас нет такого обычая, как сиеста, а жаль. Неподвижный воздух, неподвижная листва на деревьях; солнце застывшее в самой верхней точке небосклона... и ожидание в глазах прохожих: ожидание дождя, вечерней прохлады, возвращения короля Себастьяна, который отправился в крестовый поход и пропал без вести, а его все еще ждут в Лиссабоне. Но, похоже, надежды сбываются только на вечернюю прохладу.

Зажигаются огни кораблей, стоящих на рейде, отражается в темной воде полная луна, и слышен плач – не плач, романс – не романс... Фаду – «судьба». Из открытых окон рвется фаду, позванивает старый трамвайчик, разносится одуряющий аромат кофе... это мой Лиссабон, про который я готова рассказывать часами.

Звук, цвет, запах – каждый из этих элементов индивидуален и может рассказать искусенному гурману невероятные истории, уходящие в глубину столетий. Чуть позже... завтра трудный день.

Спокойной ночи.

Иосиф

А вот и я!

Воскресший из девятистот километров накрученных на колеса дорог и неразберихи Дюссельдорфской выставки в самой ее безумной фазе – монтажа. Вообще-то мне на монтаже выставочного стенда делать нечего, но типография запорола печать, и хоть не моя вина, положение пришлось спасать мне. Перекачивал данные для повторной печати, увидел Ваше письмо, и словно кто-то среди этого психоза вдруг по руке погладил. Но мускулы напряжены, как у волка на охоте, стальным взглядом можно охлаждать напитки, концентрация как в тылу у врага...

Моя муза меня таким не любит и шатается в эти дни черт-те где.

И вот бедуин возвратился в свой одинокий оазис, приготовил на скорую руку ужин и... заснул в ванне. И ведь мог утонуть! Но такого смехотворного конца я себе позволить не вправе, не говоря уже о том, чтобы не выяснить отношения с моей своевольной музой и оставить Ваше письмо без ответа. Последнее слово за женщиной – рука на эфесе, гордый взгляд и красиво уйти... вот только о ступеньку не споткнуться. И сейчас, выпавшись, свободный от долгов, глупых встреч и разумных мыслей, еду в джаз-клуб слушать ночной концерт «Вг azilian Experience».

Так что буду через час слушать джаз, пить «Bordeaux» и на обратном пути надеяться, что бравая немецкая полиция стоит не на моих перекрестках.

Рад был Вас прочесть, Nataly и желаю нам с Вами легкомысленных снов и легкого дня.

P.S. Фаду, интересно... Как-то услышал Маризу Красиво, на мой вкус несколько театрально, но сам образ и состояние почти транса очень притягивают. Она ведь мавританка?

P.P.S. Я бы хотел прислать Вам проект выставки моих некоммерческих работ. Если Вам интересно, конечно.

Nataly

В очередной раз восхищаюсь Вашим умением столь умно и со вкусом охарактеризовать себя. Далеко не каждому это удастся, не скатываясь в самолюбование. Меня всегда привлекали люди, знающие себе цену и умеющие себя преподать. А самое главное: во всем этом сквозит неприкрытое мужское достоинство, охотничий азарт... жесткая охрана границ собственного бытия. Очень хочу посмотреть Ваши работы. Да, Марица имеет арабские корни, из современных исполнительниц фаду она, пожалуй, лучшая. А еще я получаю наслаждение от Сезарии Эворы. Это протяжные и мелодичные романтические баллады на креольском языке. Музыка, чем-то напоминающая бразильскую босанову, а чем-то – даже старинный русский романс.

А теперь пора подумать об отдыхе, половина третьего ночи, приятных Вам снов...

Иосиф

Спасибо, Nataly!

За письмо и неприкрытую правду обо мне. Какой остолоп сказал, что правда глаза колет?

Спасибо и за рекомендацию: Сезария Эвора. Обязательно послушаю. Настоящее письмо постараюсь написать завтра, уже половина второго ночи, в голове и на улице туман, утром рано в типографию, контролировать печать.

Спокойной ночи, милая Nataly.

Иосиф

Устал. Был какой-то дурной ломаный день, заполненный полубесмысленной мелочевкой. Мелочь нервирует не только в бумажнике. То ли есть у тебя деньги, то ли нет... и при этом карман оттягивает. Уж лучше, когда нет – определенность в голове и легкость в походке. К тому же поцарапал на стоянке задний бампер. Расстроился, но не из-за трепетной любви к автомобилю, а из-за того, что потерял в конце этого невразумительного дня кон-

троль над собой. Все вдруг глохнет и перестает посылать тебе сигналы. Не люблю себя, когда я досадую. Ну-да ладно... Сейчас pošлю Вам мои некоммерческие работы – композиции к выставке «*Turographica urbana*». Началось все с профессионального рефлекса – фотографировать настенные надписи конца 19 – начала 20-го веков. Интротекст перевожу Вам на русский (здесь он у меня на немецком).

«С трогательным старанием написанные, почти истлевшие надписи давно исчезнувших жизней... Забытый язык города. Кокетливый, безвкусный, трогательный – бесконечное письмо всем и каждому, где каждый пишет нечто, что последующий замазывает, сцарапывает, переписывает. Послания без адресатов... Бессмыслица, без которой наша жизнь в городе теряет свой смысл».

Легкомысленных снов и легкого дня Вам, Nataly. Да и мне тоже. Не святой *Иосиф*.

Nataly

Браво, Маэстро!

Это просто музыка, хотя и боюсь впасть в банальность в своих оценках. Я для себя очень многие вещи ассоциирую с музыкой...

Прелестный портрет дочери звучит, как Гершвин, портрет отца – почему-то Шнитке... Выразительность, экспрессия и чувственность Ваших работ просто завораживает! Вообще я дилетант в живописи и фотографии: могу сказать только, нравится или нет. Но черно-белую фотографию я особенно ценю, для меня это показатель мастерства. Главное – ощущение причастности, желания окунуться в эту атмосферу и уйти от реального мира.

Спасибо, не святой Иосиф. Даже захотелось все это «потрогать» и «послушать»...

Удачного дня и не святых развлечений! И для меня, и для Вас.

Иосиф

Я порой не знаю, что приятнее, получать подарки или дарить их самому. Заслужил ли я титул Маэстро, не знаю, но в любом случае, как теплом по душе, может, тоже банально, зато правда.

А ассоциации с музыкой – выше не бывает. Мой взгляд эти композиции видит иначе, что-то все время не устраивает, часто раздражает... Приходится оставлять на время, а потом вроде нет, неплохо... Руку на сердце – меня каждый раз восторги сбивают с толку. Но, оставив там же руку, – Ваша похвала относится к тем самым, немногим...

У каждого из нас, во всяком случае у меня, немного достойных собеседников. Так что, милая Nataly, низко Вам кланяюсь.

Черно-белая, или монохромная фотография. Согласен – это абсолют в фотоискусстве, не отвлеченная форма драматизма.

Когда-то я фанатично увлекался фотографией и даже породил афоризм: «Нет ничего субъективнее, нежели объектив». Оставалось только перевести на древнегреческий или латынь – и место в истории было бы обеспечено...

Вот так упускают шанс быть высеченным из каррарского мрамора и найденным в раскопках с отбитой рукой, но гордым профилем!

Комплимент нам обоим: оба изменили своему отрицанию виртуального общения. Чтоб я столько писем писал?!

Полностью подписываюсь: приятный собеседник всегда немного соперник. Это то самое притягательное «нечто»...

Nataly

Второй час ночи... Время для эпистолярного жанра. Насчет виртуального общения... Меня уже тоже посетила мысль о том, что я изменяю своим принципам! Но, если честно, мне

доставляет несказанное удовольствие писать Вам письма и еще большее – читать Ваши! Люблю достойных соперников в разговоре и, разумеется, приятных собеседников.

Вчера получала удовлетворение от чисто женских занятий: посетила парикмахерскую, а потом разгульно предавалась шопингу. Говорят, у настоящей женщины всегда две проблемы – «нет места в шкафу и нечего на деть». У меня пока только первая, со второй справляюсь... Люблю красивую одежду разных стилей и направлений. От летних «цыганских» юбок до черного маленького платья... ну это так, чисто дамские заморочки, надеюсь, Вы, как человек, тонко чувствующий красоту, можете меня понять...

А потом возила знакомых на экскурсию по городу, вечером допоздна сидели в уютном подвальчике и пили легкое португальское вино... Кстати о «Bordeux», мне привозили друзья из Парижа. То ли год не тот, то ли сорт или с моим вкусом что-то не так, но я не прониклась.

Иосиф

Сегодня днем, с нетерпением читая Ваше письмо, которого, признаюсь, ждал, даже смаковал, как вечером усядусь в свое кресло и изойдусь литературными сентенциями и... оказался в больнице.

Глупость, милая Наталья, и гордыня... За то и наказан. Глупость потому, что врач из-за травмы позвоночника запретил играть в теннис. А я, поскольку все это время был дисциплинирован, тренировал спинные мышцы, делал гимнастику и т. д., хожу на корт уже вторую неделю. А гордыня, поскольку был вначале благоразумен и играл, относясь к себе бережно, к соперникам – снисходительно.

А потом явился на корте в образе двухметрового приятеля-соперника, вольного журналиста, сам Соблазн собственной персоной. И не вынесла душа Скорпиона позора поражения два года назад. Жажда крови и мести затолкала разум из головного мозга в спинной. Но подлый выстрел в спинной позвонок отметил защемление нерва, и мой журналист, полный угрызений совести (а я не преминул их углубить), отвез меня в ортопедическое отделение местной клиники. Два часа назад мне привезли мой ноутбук, и, поскольку рядом с кроватью телефон и Интернет, то информирую о свершившемся.

На этом прощаюсь.

Иосиф, его пример другим наука.

Nataly

Будучи просто женщиной, искренне сочувствую и сожалею о случившемся. Но, имея за плечами высшее медицинское и памятуя опыт работы с непокорными и самоуверенными пациентами, сочувствую и Вашему врачу, которому достался такой вот экземпляр. О техническом совершенстве европейской медицины говорить не приходится, осталось только, чтобы в дальнейшем пациент не проявлял строптивость. Будь я Вашим лечащим врачом, применила бы гомеопатическое лечение, тем более Германия славна своими традициями в этой области. А может, организму нужен отдых и время на размышления? И таким вот жестоким способом он все-таки заставил Вас хоть ненадолго отрешиться от напряженного жизненного ритма? Иосиф, надеюсь, что все это ненадолго. Уверена, что Ваш заклятый приятель-соперник перед Вами не устоит, просто судьба дала ему маленькую передышку перед сокрушительным поражением. Выздоровливайте и слушайте врача.

Иосиф

Где оно?! Где это трогательное, целительное, сердобольное женское начало? Взбить подушку, подоткнуть простынку, зайти в горящую избу, сварить кашку, накормить поверженного героя и сесть рядом, сложив ладошки на коленках. О времена, о нравы...

Вместо этого, мельком проверяя прическу в зеркале: «Будучи просто женщиной, искренне сочувствую»... Ну хоть так... А потом? «Но, имея за плечами»... Как лавина на тебя с гор; а ты, не ведая, стоишь к ней спиной в руках у тебя нежный эдельвейс... Может мне кто-нибудь сказать, с чего это я вдруг «непокорный и самоуверенный»? А? Вот ни с того ни с сего... И почему сочувствуют этому садюге-хирургу, который всадил мне между позвонками какую-то гадость (и было больно!) и еще достал своими тевтонскими шуточками. А потом порешил отправить меня на «mikrowelle». И я не роптал, был послушен; только попросил, уж коли этого не избежать, – сервировать меня с рисом «басматти», гвоздикой и кориандром. И я бы порекомендовал легкое португальское... Почему вдруг португальское? Ах, оставьте, доктор, это личное... Микровелле напоминала недоделанный гроб, но было тепло.

Спасибо за теоретическую готовность «применить ко мне гомеопатическое лечение»: к примеру, ложку орехового масла с перетертыми волчьими ягодами, мексиканским чили и парой капель цианистого калия для вкуса. Только надо придумать, от чего лечить – я мирскими болезнями просто не болею. А смещенный позвонок не вылечишь, его можно только держать «в рамках», укрепляя спинные мышцы. Что я исправно и делаю, а подобные рецидивы и у спортсменов не редкость. Засим на сегодня прощаюсь. Мученик *Иосиф*.

Nataly

Я еще вчера хотела написать, что не умею сочувствовать просто из сочувствия... только действием! А слова... Но я врач... и считаю, что пациент (не больной) должен уметь сам справиться с болезнью, а я только ему в этом помогаю. А если честно, могу и подушку поправить, и простыню подоткнуть, и далее по тексту... просто боюсь проявления личной заинтересованности и лишних эмоций... Ну, непривычно для меня такое вот виртуальное общение, которое вызывает чувство личной причастности и вместе с тем ограничивается рамками клавиатуры... Но это только первая реакция... Вот соберусь с мыслями и постараюсь ответить достойно, чтобы отстоять свою женскую независимость, никому на фиг не нужную...

Иосиф

Меньше всего я хотел повергнуть Вас в состояние легкого смятения... Впрочем, неправда, хотел, конечно. И получилось ведь! Ох-я-ка-кой... Мои бедные студенты страдают, когда я в таком настроении, никак не могут разобрать, бедняги, серьезно я говорю или нет. Правда, иногда в этом полунасмешливом кураже я теряю ощущение, как это воспринимается снаружи. И уж меньше всего могу позволить себе всерьез выглядеть слабым и требующим сочувствия – происхождение не позволяет.

(Неужели у меня получилось? Вот допишу и все, пулю в лоб). Хотел написать: не принимайте всерьез, что я пишу, но – тоже неправда. Подобная манера позволяет мне какие-то свои мысли упаковать так, чтобы дать возможность слушающему – читающему самому решить, воспринимать это серьезно или ограничиться легкомысленной формой изложения. Проявление эмоций – я и сам их остерегаюсь. Вот и до (не) зависимости добрались. Как у Экзюпери: мы в ответе за тех, кого приручили... И не старайтесь отстаивать свою женскую независимость, Nataly – мне она, во всяком случае, не понадобится. Спасибо за фото. Вам идет эта прическа. И даже очень. Не забывайте страждущего Иосифа.

Nataly

Канули в Лету субтильные и не приспособленные к жизни тургеневские героини. Современные дамы Холодные и жесткие (подчас жестокие), убежденные в своей исключительности и заикленные на себе. Сегодня эгоизм, себялюбие и сознательное одиночество формируют тип молодых женщин, знающих себе цену и отстаивающих свое право на подобное существование. Они шокируют окружающих, нарушая правила приличия, говорят о вещах, о которых

не принято говорить. Они проницательны и редко ошибаются в людях (возможно, потому, что предполагают в них самое худшее). Они циничны и одновременно сентиментальны. Они калечат человеческие жизни и Жизнь как таковую. Они – всего лишь женщины, но они – Индивидуальности. Они привлекательны, они ужасны, но иногда хочется им подражать...

Увы, это не про меня... хотя если чуть-чуть сгладить, многое можно применить и ко мне. Но... гордо поднятая голова, царственная осанка, взгляд, скользнувший мимо восхищенного поклонника, и, как высшая награда, небрежно оброненный кружевной платок с тонким ароматом «парфюма» от *Raso Rabanne*.

Главное, чтобы никто меня не увидел с небрежно заколотыми волосами, в мужской футболке и шортах, сидящей перед экраном монитора, на котором появляются полные сарказма и язвительности строчки о месте самостоятельной женщины в этом безумном мире, перевернувшем с ног на голову представления об истинном ее предназначении... А сама, наверное, готова и подушку поправить, и кашку... (но я уже повторяюсь), и целительный эликсир приготовить, не забыв добавить туда столь желанного Вами цианистого калия – все по просьбам страждущих...

Закругляюсь... время привычное, почти три... Ночь. Аккуратно поправляю подушку, чтобы не потревожить Ваш сон, и оставляю несколько листков у изголовья кровати...

Иосиф

Ух, вот это да! Речь прокурора и адвоката в одном лице... или крик отчаявшейся от самостоятельности души...

И все это спровоцировано моим полусерьезным трепачеством. Мне перевести дух сначала надо. А пока отдамся медсестре со шприцем.

Nataly

А она хорошенькая? Я про медсестру, разумеется...

Иосиф

Увы! Тевтонское крупнокостное иерихонотрубное чудовище, сто двадцать кг, ступня сорок пятого размера, входя, заслоняет свет, пахнет больницей и жареной тюрингской колбасой.

Приставлена ко мне на двадцать четыре часа в сутки, сна не знает, отлучается только по нужде, запирая меня при этом на ключ...

Ох, я забыл коварно-наивный вопрос: «А что?» Как же это я...

Nataly

Ну вот, сразу вопросы в лоб. Скажем, праздный интерес... А вообще-то нет, не праздный: захотелось узнать, кто заботится о Вас двадцать четыре часа в сутки. По-моему, нормальная женская реакция...

Поправляйтесь! Впрочем, пока Вы прикованы к постели, имеете возможность чаще мне писать!

Иосиф

Сейчас мой цербер принесет вечерний десерт с затребованным зеленым чаем... Отдесертовал.

А теперь экскурс в прошлое – Ваше письмо, невежливо оставленное мною без прямого ответа, что и попытаюсь сейчас исправить, благо время действительно есть.

К вопросу о винах: «бордо» «борду» – рознь! Все правильно: то год не тот, то винодел, а то и виночерпий... в посредственном обществе и хорошее вино средневкусно (я не о Ваших

знакомых, там был точно не тот год). Я пью вино со студенческих времен («Раздан, Арени»... по семьдесят пять коп. за бутылку, да прольют мои друзья скупую слезу!), но даже ради шика блеснуть в обществе никогда не старался выглядеть знатоком, мне достаточно вино чувствовать. Но лучшее, что я пил – это домашнее вино из армянских деревень в долине. Бог простит мне мою слабость – у «крови Христовой» дома вкус другой...

Удивлю: люблю ходить с женщиной покупать ей одежду. Во-первых, предотвращение безвкусных приобретений, только потому, что модно, или – тренд. Но в основном – сам процесс примерки. Все эти восхитительные телодвижения, меняющийся взгляд, разглаживание невидимых складочек – новый образ хорошо знакомой тебе женщины.

«Чем вы гладите женское белье? – Руками, разумеется!» Не мое, гений Жванецкого.

Но одно слово заменило мне мое отсутствие с Вами в тот день: «маленькое». Маленькое черное платье. Заметьте, не короткое, открытое, с вырезом... Нет... это изнывающее, достающее до печенок и ниже, деланно-наивно-безобидное: ма-лень-ко-е... И эти движения бедрами, оттягивая по талии, поглаживая себя нетерпеливо, вниз от середины живота и в стороны, пока оно не сядет идеально гладко и тесно, как объятие...

Так что... в субботу? Вы – в маленьком черном платье, я – в костюме от «Gerruti», и оба беспощадно неотразимы...

Nataly

«Вы потрясающе выглядите на фотографии...» Если не ошибаюсь, именно эти слова Вы прочитали в моем первом послании. На этот комплимент меня подвигла не просто красивая черно-белая фотография, а мужчина с одухотворенным и пронзительно-проница тельным взглядом, к тому же еще и кажущийся себе сущим ангелом! Если бы не знала, сколько Вам лет, никогда бы не подумала: Вы выглядите удивительно молодо.

Уф! Написала... ну боюсь я делать комплименты мужчинам, где-то в глубине души независимой женщины еще живо пуританское воспитание тургеневской девушки. Удивили! Умение сопровождать женщину за покупками и при этом быть ценителем, советчиком... Да уже за одно это можно ставить памятник на исторической родине, от литый в бронзе!

В субботу... маленькое черное платье, серебро и гладкая прическа. К моей восточной внешности она очень идет.

Да! В субботу! К ужину непременно «Vinho Verde» – белое сухое... Вино молодое, с едва заметной игристостью, очень коварное! Пьется легко, а эффект бывает довольно заметным. Основное блюдо – рыба или креветки. Легкий джаз и в конце ужина – стаканчик «Porto».

Время Скорпиона неумолимо вступает в свои права... Это Ваше время, Маэстро! Я убираю невидимую пылинку с лацкана Вашего смокинга, и Вы готовы к очередному поединку со всеми драконами мира!

Иосиф

Дайте опомниться... Сразу себя не признал... Сейчас вот только потеряю сознание на пару минут, а там – нашатырь под нос, поеду домой, мое тевтонское чудовище всплакнет мне вслед; и дома напишу ответ, не перечитывая Вашего письма: вдруг все исчезнет? Где же бронзы-то столько достать?

* * *

Иосиф с Ольгой уехали из Москвы в 92-м. Время было нищее, тревожное; казалось, город вымирал. Творческие союзы развалились вместе со страной. Художники и графики, фотографы и операторы, режиссеры и актеры стали никому не нужны. Издательства закрывались, в

театрах актеров на сцене было больше, чем зрителей в зале. Бурный подъем переживало лишь телевидение, вещая для народа такую правду, о которой нельзя было и шепотом еще вчера...

Что будет завтра – никто не знал, но в хорошее не верили. Кто-то, назанимав денег, кинулся в Польшу, в Китай и осел на вещевых рынках, кто-то покидал страну, кто-то спивался.

Ольга была родом из обрусевших немцев, им, конечно, прямая дорога в уютную, стабильную Германию. Взвесили все за и против: в Москве было наработанное «имя» в профессии, а там начинать с нуля... Все же решили рискнуть...

Германия встретила переселенцев тишиной и чистотой уютного провинциального городка рядом с Эрфуртом, большой светлой квартирой и социальной помощью на первых порах.

Маленькая Каринка легко вписалась в новую жизнь, взрослым было труднее. Жизнь в немецкой провинции резко отличалась от прежней, московской.

Крошечная квартирка на Таганке с шестиметровой кухней, где собиралось по пятнадцать человек друзей, где спорили о живописи, кино и политике, где слушали музыку до утра и где почти всегда гостили друзья и родня из Еревана. Как невозвратно далеко это осталось!

Когда первая суета оформления документов улеглась, о них вроде и забыли. Надо было учить язык и пытаться пробиться в профессию. Надо было писать, звонить, договариваться о встречах в издательствах, рекламных и дизайнерских агентствах, надо было показывать свои работы и уверять, что ты можешь все, дайте только возможность. Попробуйте, рискните – не пожалеете. Иосиф учил язык, не стесняясь говорить неправильно, подшучивая над своими ошибками... Красивый, ироничный, темпераментный, с улыбкой встречающий отказ: «Нет, нет, какие сожаления... наверное, по-своему вы правы, но я не прощаюсь... Подумайте, это вас ни к чему не обязывает... я сделаю бесплатно, и вы посмотрите. Возможно, это будет то, что вам нужно. Ведь мы с вами профессионалы и должны всегда искать что-то новое. Жду вашего звонка...» И все же первый заказ он получил для Ольги. Иллюстрация детской книги. Роскошное подарочное издание. Это был шанс начать успешную карьеру.

Ольга, ах, Ольга! Талантливая художница, всегда в тени Иосифа, вокруг которого жизнь кипела и бурлила людьми, событиями, страстями... Тихая, молчаливая, грустные глаза и казавшаяся нам вечной влюбленность в своего кумира: «Как Осик решит, если Осик хочет, Осик делает, Осик знает...» Этническая немка Ольга не приняла историческую родину и впала в глубокую депрессию, а Иосиф не увидел этого вовремя. А может, просто минуты свободной не было... дела, встречи, поездки, освоить компьютер – какие возможности открываются! Ночами упорно долбит немецкий... не просто объясняться, а говорить на равных, как немец. Нет, лучше, как хорошо образованный немец.

Ольга запророла заказ. Просто не сделала к сроку. Не было настроения, не было желания. Ей стало все неинтересно: ребенок, муж, работа. Целыми днями она сидела одна в квартире и думала о чем-то своем. Кто знает, о чем? Она ни с кем не делилась. У Каринки – своя школьная жизнь, полная новых друзей и событий. Иосиф через пару лет полностью освоился, завален работой, его знают, его приглашают. Он работает по двенадцать часов в сутки. Все свободное время посвящено Карине. Иосиф любит дочь, как только могут любить восточные отцы, Карина – свет в окошке, и он пытается компенсировать ей безразличие матери. Летом они ездят в Ереван, и там любовь льется на девочку солнечным водопадом. Три счастливые недели Карина – любимое, балованное дитя. Так они с Иосифом заряжаются на долгие месяцы разумной, рациональной немецкой жизни. Ольга с ними не ездит. Не хочет покидать свой разрушенный мир, раковину, где она спряталась от чужого, неинтересного и непонятного ей...

Нельзя сказать, что Иосиф не обращал внимания на то, что с ней происходит, или не пытался помочь. Но все эти попытки разбивались о стену, которую Ольга воздвигла между ними.

– Оль, нас приглашают мои коллеги.

– Осик, иди один, мне не хочется.
– Оленька, в субботу празднику Каринки в школе. Все родители...
– Осик, пожалуйста, сходи сам.
– Оля, Каринка играет в спектакле, для нее очень важно, чтобы и папа, и мама, как у всех.
– Ох, прошу тебя, Осик, я не могу, не могу, понимаешь?
– Но почему, Оля-джан, почему? Ведь это твой ребенок! Объясни, Оля!
– Бесплезно, Осик, ты ничего никогда не поймешь. Потом Ольга ушла. Просто переехала на соседнюю улицу, где Иосиф снял ей маленькую квартиру. Они развелись. Иосиф переживал это эмоционально и бурно. Карина осталась с отцом. Она навещала Ольгу, звонила ей, рассказывала свои новости. Сама Ольга никогда не звонила и ничем не интересовалась. Она больше не рисовала, но и не пила от тоски, что было бы вполне по-русски, а уж что она делала в одиночестве, что оплакивала или вспоминала – никто не знает. С друзьями она не общалась, да и все московские друзья, с которыми в течение всех этих лет перезванивался и встречался Иосиф, были, в общем-то, его друзьями. Его друзья, его дочь, его жена, его карьера... А что у нее? Свой у нее был только талант, но она его оставила в Москве.

* * *

1994 год. Москва

– Алло, алло, Колюнчик, привет!
– А, Осик! Осик дорогой, как я рад...
– Колюнчик, получил твое письмо и каталог. Старик, я был потрясен... Совершенно новый стиль. Нет, рисунок тот же, филигранно-ювелирный, но живопись! Цвет! Сюжеты совершенно фантастические... С графикой все, да?
– Да, завязал. Столько лет потрачено, а где те книги? Кому нужны? Нет, только живопись. Время, время, друг Иосиф. Полтинник скоро!..
– Да брось, когда еще тот полтинник...
– Нет, правда, работаю целый день, не вставая, пока свет есть. А как тебе сам каталог?
– Каталог как раз не очень. Кто тебе делал?
– Нинка.
– Следующий я тебе сделаю. Об ложка у Нинки неудачно вышла, переборщила с цветом. Фамилия твоя пропадает среди этого мельтешения. И вообще можно было много интереснее сделать с такими-то работами...
– Ну, когда еще следующий смогу... большие money все стоит.
– А как ты думал! Да все равно накопятся новые работы – придется делать. А уж я тебе такую об ложечку выдам, восторг сплошной!.. Я сейчас, Колюня, такие вещи делаю! Серьезно, без хвастовства... Ну, да здесь и печать на другом уровне.
– Да уж представляю... Сам как? Ольга? Каринка?
– Работаю, кручусь, целый день... иногда в день по триста-четыреста км наматываю. Каринка, как рыба в воде, все ее радует здесь – привыкла. А Ольга, что Ольга... не очень... После той истории с первым заказом, помнишь? Я тебе писал тогда...
– Да, конечно, помню. Обидно, такой шанс упустила...
– С тех пор – ничего. Ничего не делает, язык не учит, никуда не ходит... В общем, беда, старик. Ну не будем о грустном. Безумно рад тебя слышать. Когда соберешься приехать? Ведь сейчас не сложно, приглашение вышлю.
– Приеду, Осик, обязательно приеду. Надо несколько работ сделать, задумки есть. Выставка намечается, успеть хочу.
– Ты хоть пиши почаще. Для меня твои письма – праздник души. Наливаю бокал вина и смакую твои эпистолярные изыски. Даже Ольга улыбается, когда ей читаю...

– Поцелуй ее от меня. И позванивай, Осик, не пропадай.

– И я жду, Колюнчик, жду. Хочется пообщаться, как следует, наговориться обо всем. Знаешь, как мне этого не хватает! Друзей, общения... Иногда такая тоска накатит, все из рук валится...

– Осик, все понимаю... Но Бог дал талант – это дар. Надо работать. Работа от всего лечит. Уходишь в свой мир, там все другое. Ты мастер, не хандри... Увидимся, обязательно увидимся...

– Ну, все, все... не буду раскисать.

– Обнимаю тебя. Привет своим.

1995 год. Эрфурт

– Алло, Осик, привет, дорогой.

– Диана, радость моя, как хорошо, что ты позвонила... Рассказывай, что там в Москве?

– Да как-то все налаживается. Бегаем, работу ищем, все сейчас на компьютерную графику перешли... оно и быстрее, и возможностей больше. Общаемся, встречаемся, но уже не так, как раньше. Да мы с тобой говорили об этом. Все изменилось, все хотят зарабатывать деньги... считаем только на доллары и в доллары все переводим... А это, сам понимаешь, меняет отношения... Мишка, Давид открыли свое агентство, в рекламу ушли – бешеные деньги... У Нинки своя типография – ты знаешь, какие это возможности... А кто-то с хлеба на воду перебивается, не может найти свою нишу... расслоение общества...

– У тебя-то с работой все в порядке?

– Да, тьфу-тьфу... вроде хорошо. Платят прилично. Ребята руководят нормальные, важен результат и сроки, а работай, как хочешь, хоть дома... Ты знаешь, я с утра никакая, но потом могу до ночи сидеть, не вставая. Да, самое главное, я же в Ереване была, только вернулась... К твоим заходила, они тебе письма и какие-то подарки передали. Гарик летит в Берлин, я ему отдала. Ты в Берлин-то сможешь подъехать? Он тебе позвонит...

– Господи, Динка, да на крыльях прилечу. Когда он едет?

– В среду, кажется. Он сразу позвонит, неделю пробудет, увидите.

– А как там наши? Как Ереван?

– Ох, Осик, нищета, город опустел, больше пожилых и женщин с детьми. Все на заработки уезжают в Москву или за границу к родне. В основном в Америку...

– А мои как? По телефону всегда все хорошо, а на самом деле?

– Да нет, твои здоровы, денег ты им присылаешь... Скучают только очень, так ждут вас, три года не виделись... Ты же собирался ехать летом?

– Да хотел, билеты даже заказал... Из-за Ольги не поехал... Только сейчас немного успокоился...

– А ты родителям не сказал, что вы разошлись?

– Да нет, конечно. Как я могу? Они бы испереживались, бедные... из-за Каринки...

– А как ты с Каринкой справляешься?

– Да с Каринкой все легко, она золото, а не ребенок. Следующим летом уж точно поедем с ней. Про Ольгу скажем, что не смогла, работает... мы с Каринкой решили им пока не говорить, не расстраивать...

– А что Ольга? Не одумалась? Возвращаться в семью не собирается?

– Нет, Дина-джан, все ушло... может, и к лучшему. Ты знаешь, я чуть с ума не сошел, уговаривал, что только не делал. В дурном сне не мог себе представить, что Ольга может уйти... А сейчас нам с Каринкой вроде спокойнее стало.

– Может, мне все-таки позвонить ей, поговорить?

– Нет, Динуль, мы с тобой это уже обсуждали. Ничего не получится, больной человек... Я три года с ней возился... рукой махнул... Если уж ей ребенок безразличен...

- Да, история... Но ты если что, звони...
- Ах, Динка, что бы я без тебя делал? Ты выслушиваешь меня часами... Если бы ты знала, джаник, как я тебе благодарен...
- Прекрати, будем мы еще с тобой считаться! Я на тебя столько своих переживаний обрушивала, плакалась тебе в жилетку, а ты меня по головке гладил.
- Пока, моя радость, целую тебя.
- И я тебя целую, Осик. Все наладится, пока.

* * *

Время летело. Работа, заказы, студенты, детские каникулы, поездки... Праздники и будни, друзья и коллеги, мелкие бытовые заботы и большие планы... И вот уже Каринка уехала учиться в Вену поступила в университет на юридический. Дом опустел... Сначала она приезжала на все каникулы, потом, взрослея, реже... Иосиф сам часто наезжал в Вену, скучая и беспокоясь о своей девочке. Но каждое лето они вместе ездили в Ереван, ра довались этой поездке, ждали ее и потом долго еще грелись воспоминаниями... Отец и дочь были очень близки, пере-званивались и переписывались каждый день и были в курсе дел и забот друг друга. У Каринки появился друг, они стали жить вместе, а у Иосифа – новый повод для беспокойства... Двадцатилетняя Каринка была для него по-прежнему ребенком, и он холодел при мысли, что кто-то может обидеть ее, причинить ей страдания и боль.

Но внешне ничем этого не показывал, был весел и ироничен, как всегда. К своей холостяцкой жизни привык, и отношения его с женщинами были легки и необременительны. Главным в его жизни были дочь и работа, и хотя Иосиф иногда подшучивал над этим, но, пожалуй, это было единственное, к чему он относился серьезно.

* * *

2000 год. Москва

- Алло, Москва! Как там у вас?
- Осик, друг мой, не поверишь – все утро о тебе вспоминали. Леша приходил сделать слайды с последних работ, я ему рассказывал про твои грандиозные планы. Вспоминали, как вместе в мастерской на Герцена «творили», каждый в своем углу... Смеялись, конечно, весело было... У тебя и тогда безумные идеи были.
- Да, хорошее время... беззаботное. Насчет планов ты зря иронизируешь. Все вполне реально. Москва меня просто потрясла! Знал, конечно, что все изменилось, но чтобы до такой степени!.. Вот уже где грандиозные проекты крутятся, куда моим скромными планам до них... Нет, Колюнчик, обязательно что-то сделаю в Москве, уже с людьми говорил, деньги найду...
- Ах, Осик, Осик, ничуть не меняешься... загораешься, и вперед... Молодец! Мне нравится твой настрой...
- Это Москва на меня так подействовала. Безумный ритм жизни... После нашей патриархально-провинциальной тишины... Не знаю, смог бы я жить в таком темпе, но эта неделя меня просто встряхнула, как будто десять лет скинул...
- Ох, позер, мальчишка... Да тебе и тридцати пяти не дашь... Молодые девчонки на шею вешаются...
- Это да, но пятый десяток уже разменял, Колюнчик, а это солидный возраст. Надо что-то серьезное создать.
- А то учу студентов, делаю красивые работы... и что дальше?

– Не скромничай, не поверю... Ты в своей области один из лучших, а создать? Без этого и творчества нет, мы всегда должны стремиться сделать лучше, чем вчера... и так каждый день, до последнего. Иначе это ремесло, а не творчество.

– Вот за что тебя люблю, Колюня, что расслабиться не даешь, пожалеть себя, поплакаться в жилетку...

– Кого жалеть? Молодой, красивый, талантливый... Работать, Осик, работать! Результат-то прекрасен... вот тогда и радуешься: <Ай, да я! Ну, молодец!> И гармония в душе... и ангелы поют...

– Все, все... повержен, отшлепан и со смирением признаю твою правоту и мудрость, о учитель! Нет, правда, Колюнь, ты почаще меня холодненькой водичкой... Водится за мной грешок – носиться с собой, любимым...

– А унижение-то паче гордости, Осик... Давай работай, живи, радуйся... Обнимаю тебя, рад был чрезвычайно побеседовать с тобой.

– Пока, Колюнчик, и я рад. Позвоню, как только что-то прояснится. Чао.

* * *

Иосиф

Все, я дома! За спиной издевательства над моим телом. Дочку смог обдурить, обычно мы с ней перезваниваемся почти каждый день, узнала бы, сорвалась с лекций. Звонки переправлялись автоматически на мой мобильный, но все равно что-то она заподозрила. Посещало меня немного людей: я с успехом скрыл этот факт от широкой общественности. Здесь это считается – обременять других своими проблемами... Нн-нда...

Зато у меня первый раз была такая куча времени писать письма. А сейчас надо снова быть пайнкой, ходить на массаж, делать упражнения и не делать глупостей. Возраст, сударыня Наталья, возраст...

Кстати о возрасте... Это не моя заслуга и не моя вина, но чем старше я становлюсь, тем чаще происх одят со мной разные забавности. Недавно одна «скучных лет дама» даже ревниво осматривала мое лицо, пытаюсь найти следы лифтинга. В Ереване лысый пожилой дядька спросил меня, не сын ли я Иосика (ереванский вариант моего имени), попросил передать привет отцу. Мистика... Оказался моим однокурсником. Первая группа студентов, прознав про мой день (а стало быть, и год) рождения, исполнилась не доверием и призвала меня, на свою беду к честному ответу.

И я признался, что родился в 658 г до р. Христова в древнем Вавилоне, сейчас это моя седьмая жизнь, и что, например, в 1321 году я вытащил упившегося Марко Поло из кабака в Венеции и рассказал этому болвану про Китай, где был во второй своей жизни. Только Марко все перепутал, поскольку пьян был, и писал позже что-то о китайских слонах! Меня самого забавляло, что я в каждой последующей жизни становился моложе, пока мне Мишель всене объяснил. Michel de Nostr edame, позже известный, как Ностра дамус... Ности, как я его тогда называл. Славный парень, но нервы – никуда. В общем, какое-то смещение звезд в тринадцать лет, восемь дней и пять часов с минутами. Так что я ни при чем, ребята наверху напутали. В чем вам и признаюсь, а взгляд моих честных армянских глаз – тому гарант. У моих студентов был продолжительный шок, они мне еще долго осторожно в глаза заглядывали, мол, не спятил ли их доцент.

Но правду иногда принять сложно, а истина, так она вообще в вине...

P.S. «В субботу... маленькое черное платье, серебро и гладкая прическа. К моей восточной внешности она очень идет». Безжалостно точная комбинация – я даже почувствовал запах Ваших духов... и тепло Вашей ла дони на сгибе моего локтя. Тот самый мягкий толчок в аорте...

Nataly

С возрастом Вашим теперь все понятно. А я-то думала, что владеете секретом средства Макропулоса, только держите его в тайне. Вряд ли нам доводилось встречаться в Венеции во времена Марко Поло. Никто не позволил бы девице из приличной семьи показаться в зланных местах. Да и без сопровождения стародевствующей дуэньи – из отеческого дома ни ногой! Потом, видимо, была Голландия: средневековые замки, зеленые поля, аисты на крышах деревенских домов, холодная прозрачная родниковая вода... Вот написала, и в первый раз за четыре года, проведенные в Португалии, мне захотелось в Питер... Безветренный морозный день, когда снег искрится под солнцем, а на ветках деревьев в Михайловском парке лежит нежный, пушистый иней... А теперь хочу сделать небольшое признание... Послав мое искреннее восхищение Вашей фотографией, я не думала, что наше общение примет такой затяжной характер. И поскольку в виртуальное общение не верю, возраст свой несколько приукрасила (но фотографии мои). Ну, все мы, женщины, таковы... Помните, в каком-то фильме великолепная Софико Чиаурели говорит: «Между тридцатью четырьмя и тридцатью пятью я прожила десять лучших лет моей жизни». Скоро буду отмечать свое седьмое тридцатипятилетие. Можно было все оставить как есть, но почему-то захотелось признаться.

Иосиф

Сорок один... Ну и что это меняет? Какая цифра может заставить меня отказаться от Ваших живых писем, которых я жду каждый день? От этой чувственности между строк, иногда с легкой горчинкой... И потом: мне вообще за две с половиной тысячи лет перевалило. О душе пора подумать, тело вот только никак не уgomонится... Все от чувства, душа На талья: сегодня утром после холодного душа мне было тридцать; днем, стиснув зубы, упражнения свои накачивал, постарел лет на двадцать; потом пришла физиотерапевт, массаж; приготовил себе огромный салат с овечьим сыром и оливками, прочел Ваше письмо – и сейчас мы как минимум ровесники.

Так что все от чувства... Мне было двадцать четыре года, и я был бешено влюблен в пятидесятилетнюю женщину, пианистку, подругу нашей семьи. Старался уходить из дому, когда она к нам приходила – излучение, которое исходило от этой безумно красивой женщины, я долго выдержать не мог. Самое невыносимое было, что, встречаясь, она не просто меня обнимала, а брала мое лицо в ладони. Мне хотелось плакать... Стянутые на затылке гладкие черные волосы...

Иосиф

Жестокая Nataly

Вот так, расскажи женщине правду о себе – и тебя оставляют... Несколько раз заглядывал в Интернет – ни ответа, ни привета мне, страждущему...

Nataly

Похоже, что даже две с половиной тысячи лет не являются гарантией приобретения уверенного спокойствия и жизненной мудрости. Ну, право же, Иосиф, мне доставляет такое удовольствие не только получать Ваши, полные иронии и тонкого юмора письма, но и самой посылать ответные послания, «полные чувственности между строк, иногда с легкой горчинкой...», надеясь, что они ожидаемы моим собеседником.

Сегодня половину дня проведу за компьютером. У меня суббота и воскресенье – обычно рабочие дни: готовлю новостные странички для нашей газеты, а в понедельник-вторник добиваю то, что случилось интересного в эти дни. Скоро выборы нового мэра, надо еще успеть встретиться с заклятыми друзьями по эмигрантской ассоциации и внести свои замечания по

проекту нашего Центра. Планов у нас относительно этого Центра громадье и размах вселенский.

По поводу своего возраста абсолютно не комплексную, просто его не чувствую, в доказательство – фотография с восхитительным видом на старый Лиссабон. Это, кета ти, снято с моего балкона, правда, красиво?!

А в следующий раз напишу, возможно, почему мне в моем возрасте комфортнее, чем в восемнадцать...

Иосиф

Ах!.. Старый Лиссабон...

Нет, нет и еще раз нет! Какой Лиссабон? Возможно, через неделю я замечу эти жмущиеся к склону горы домики, через месяц – утонувший в зелени замок... Немудрено... При таком первом плане. Меня больше волновала температура балюстрады, на который Вы сидите...

Nataly

Ну вот: слушаю Сезарию Эвору, поющую о любви... морской соленый ветер, палящее солнце, терпкий табачный дым портовых кабачков и крепкий ямайский ром...

Можно и про себя написать пару строк в превосходной форме. Говорят, мудрость приходит со старостью, но иногда старость приходит одна... не помню, где прочитала, но понравилось. Все-таки ко мне мудрость пришла чуть раньше. Есть еще время насладиться прелестями жизни, не впад в старческий маразм.

Научилась говорить «нет», не испытывая при этом чувства вины. Это в восемнадцать лет старалась сгладить углы и неприятные моменты, не говоря ни «да», ни «нет», обрекая партнера на неведение. Большое самолюбование и амбиции тоже присутствовали... давно... не помню уже, когда... Теперь остались только чувство собственного достоинства, умение дать себе реальную оценку и умение воспринимать действительность такой, какая она есть, при этом оставляя ее за рамками собственного представления о мире. Я перестала свысока относиться к людям, не блещущим умом, не обижая и не унижая их, чем грешила иногда в молодости. Не со зла, а просто от отсутствия опыта общения. Ну, на сегодня про себя довольно.

Иосиф

Снимаю шляпу: женщина, одна... Не знаю, владели ли Вы языком, но даже если так, то это все равно подвиг, даже если от отчаяния. Оставив свою профессию, Вы умудрились быть в гуще событий, работаете в газете, водите экскурсии и влияете на эмигрантскую жизнь Лиссабона. И, как я понимаю, скоро мэр города с удовольствием окажется у Вас под каблукком. Bravo!

Одиночество – штука тяжелая, это да... Я после развода, если дочки не было дома, не мог есть один, не привык...

«Умение дать себе реальную оценку». Это и есть зрелость. Та граница, после которой переоценивать себя – опасно, а недооценивать – глупо.

Ну да ладно... залезайте под руку пойдемте, выпьем где-нибудь стаканчик Вашего «Vinho Verde», надо же попробовать...

Nataly

Ах, «Vinho Verde»... я знаю один чудный подвальчик, где можно выпить превосходного зеленого вина из бочки, чуть мутноватого, еще бродящего и бодрящего... правда, это не в Лиссабоне, а в Порту – так что в другой раз.

А мэр у нас – ловелас отчаянный, и если оказаться в кругу приближенных к нему женщин... но я не претендую. Кстати, на прошлых выборах все его четыре предыдущие жены (сейчас он завидный холостяк) были самыми яркими его сподвижницами!

Иосиф

Завидую вашему мэру. Вот что у меня никогда не получалось, так это дружеских отношений с моими «экс». Точнее, у них со мной. Сезария Эвора. Я ведь приобрел последний альбом. Очень хорошо, просто прелесть! Спасибо. Терпкий табачный дым портовых кабачков... Порту, так это вроде недалеко? Пешочком да по бережку...

Nataly

По российским меркам, Порту, конечно, рядышком, но по португальским – через полстраны ехать. И там есть маленький почти деревенский ресторанчик с деревянными лавками и бочками с вином. Заказать там можно, что угодно, ошибиться в выборе трудно – вкусно все... Но стоит поужинать нежнейшей олениной, ее там готовят замечательно... И через три часа – сверкающий ночными огнями Лиссабон. Вот такое гастрономическое письмо получилось. Наверное, потому что сегодня приходили друзья в гости и я готовила плов, чего не делала уже тысячу лет.

Иосиф

Чтоб я знал, как на это ответить! Подобные описания – или утонченный садизм, или приглашение приехать и поесть оленины.

Но моя месть будет безжалостной: вот приедет дочка, и мы приготовим жареные баклажаны с орехами и долму в виноградных листьях!

Плов... внизу слой плоско нарезанной поджаренной картошки, потом рис с кориандром, а сверху поджаренный миндаль, изюм, курага и чернослив!

Nataly

Поскольку я устроила себе очередную диетическую экзекуцию, то, как минимум две недели, не смогу приготовить себе это роскошное блюдо! Ах, мелочи все это... Дождь за окном, осень...

Иосиф

Сегодня было много беготни, только отчасти продуктивной, сдал калькуляцию на проект, заказал кучу книг в Интернете, наставил пару молодых дизайнеров на путь истинный, забыл сказать, когда с него свернуть, пообедал у греков в Эрфурте, официант оказался армянином, купил новый пиджак и т. д. Сейчас приму душ и снова за компьютер. Сладких снов Вам, Натали.

Иосиф

Сумасшедший дом... Хронически не высыпаюсь, глаза от компьютера, как у наркомана. Завтра, даст Бог – окончательная сдача проекта. Потом – отоспаться, бокал вина рядом, и со вкусом отписать Вам письмо. Не думайте дурного и не забывайте Скорпиона. Я хороший. Вот только устал как собака. «Лечь бы на дно, как подводная лодка»...

Nataly

Я буду держать за Вас палец в чернилах, говорят, помогает. Легкий массаж шейного отдела, свежесваренный зеленый чай, невесомое прикосновение сухих губ к щеке... и Вы всех их за пояс заткнете!

Иосиф

Просто в точку, в больную... Я аж плечами повел от нетерпения. Сзади теплые ладони на плечах, и большими пальцами медленно снизу вверх по шейным позвонкам...

Что там было под конец? Сухими, почему сухими? И что приятнее: сухими или влажными?... Если в щеку... сухими прохладными или влажными теплыми... Что-то я... даже губы пересохли...

Nataly

Нет, дорогой Иосиф!

Именно сухими прохладными губами легкий поцелуй в щеку... Вам проект сдавать! Боюсь, если последует продолжение... влажный чувственный поцелуй, легкое прикосновение кончика языка к губам... пальцем нежно обвести контур губ и продолжать движение через шею к груди... а потом повторить этот путь губами...

Дыхание останавливается и... мягкий толчок в аорте...

Но Вам нельзя опаздывать! Поэтому снять невидимую пылинку с лацкана пиджака и нежный поцелуй в щеку... Удачи!

Иосиф

Роковой ошибкой это не было, но грозило стать – я прочел Ваше письмо до презентации...

На трассе пришлось развернуться – понял, что ехал в другую сторону... в направлении франкфуртского аэропорта. Приехал с риском, но вовремя. Машину вело чуть влево – поцелуй пришелся в левую щеку...

Две дюжины лет профессиональной работы сделали свое дело – на проекте я сконцентрировался. Но, видно, во взгляде что-то осталось... шефиня отдела маркетинга чуть сжала под столом коленки...

Презентация прошла гладко. Когда я, перед тем как сесть в машину и отмерить обратные сто тридцать километров, снял пиджак, заметил – на лацкане не было ни одной пылинки.

Спасибо, Nataly... лицо в ладони и поцелуй обратно... Спокойной ночи.

Nataly

Из Франкфурга есть прямые рейсы в Лиссабон?

Иосиф

Есть. Вы тоже об этом подумали?

Nataly

Господь, да убереги меня от излишних эмоций... не вводите меня в искушение, Иосиф! Скорпион для меня – это уже слишком...

Иосиф

Это я ввел в искушение?! Я, разбитый, невыспавшийся, мечтавший только добраться до постели и рухнуть... Кто хладнокровно и расчетливо, зная мою незащищенную наивную душу, написал «продолжение поцелуя»?!

А?! Бедный я, бедный...

Вот так беспощадная женщина держит в руках твое пульсирующее сердце...

Подожди меня, Харон, я сяду на весла сам.

Nataly

Я уже спать собралась, была уверена, что мое последнее послание застанет Вас утром.

Уверяю, никакого расчета и уж точно хладнокровия в моих письмах не было... одни эмоции, это при всей моей самодостаточности, самоуверенности и само... ну придумайте, что там еще... Неужели так бывает, что на веслах сидит кто-то другой? Мне казалось, это удел женский...

Иосиф

Если Харон везет тебя через воды Стикса, то можно и самому последний раз... медленно, медленно рассекать воду... торопиться-то некуда... Как он ведет себя с женщинами – не знаю, молчалив парень. Понять его можно, каждый день одно и то же. Не наговаривайте на нас, мужчин, Nataly, – не пристало женщине веслами ворочать. Это мы, гордо поигрывая мускулами, любимся прелестным созданием, сидящим вполборота на корме и кокетливо придерживающим рукой шляпку...

Nataly

Доброе утро! Кофе? Или плотный завтрак?

Nataly

Ночью закончила перевод, сейчас надо бежать в русское посольство. Это при моем неумении вставать рано утром – почти подвиг. Доброе утро! Так кофе или плотный завтрак? Вы не ответили на мой вопрос... Спите, наверное?

Иосиф

Доброе утро, На талья-соблазнительница! Если это можно назвать утром, отзавтракал в два часа дня. Не ответил на вопрос не от невежливости, а от состояния: глаза не открывались, в голове непроглядный туман и смутный образ южанки с убранными назад темными волосами среди встречающих... Переработал, видно, то ли галлюцинации, то ли сон, то ли предчувствие. Вам виднее.

Кофе или плотный завтрак? Ну, это смотря как ночь провел... Кофе – пожалуй, но позже – густой, горький и медленно. И не одному, а если не дома – то тем более.

Извиняться за эмоции? За что? За эту волну внезапного тепла, прорвавшегося в мой сермяжно прожитый день?

А к тому, что «хладнокровия в письмах не было» – Бог с Вами, знаю, конечно. Вреден я, милая Nataly неистребимо.

«Скорпион – для меня это уже слишком...» Что-то до боли знакомое... Многим оказалось слишком. Видно, не судьба.

Как там randevu в российском посольстве? И как Вы были одеты? И вообще... расскажите мне что-нибудь, долго... А усталый, вредный Скорпион закроет глаза и будет все это мягкими глотками... А потом поднесет кончики не своих пальцев к своим сухим и теплым губам...

Nataly

Только что вернулась домой: день был ужасный, суетный и суматошный. Ну, хоть завершился приятно – Ваше письмо, ожидаемое и, как всегда, ироничное. Но слегка минорное, или показалось?

«Наталья-соблазнительница» – как мне это понравилось! Ведь именно в этом и есть высшее женское предназначение!

Самый легкий вопрос – последний.

Сегодня просто относил перевод на заверение: черные брюки, черный тонкий свитер, черные туфли на каблуке, розовый кожаный пиджак, крупные серьги из розовой яшмы и гладкая прическа... Розовый – не леденцовый, а, пожалуй, очень светло-малиновый, хорошо сочетается с черным. А черный – мой любимый цвет! Подходит практически для любого события, ну разве только свадебное платье черного цвета будет эпатировать публику.

Завтра собираюсь в русский ресторан, хозяйка этого заведения – профессиональная певица и моя хорошая приятельница. Я иногда тоже там пою, если просят друзья...

Надо же хоть чем-то удивить неистребимо вредного Скорпиона!

Может, просто поразить... Кончики пальцев слегка подрагивают... в центре ладони ощущение от легкого, почти неслышного прикосновения губ и языка... или мне показалось?

«Как соломинкой пьешь мою душу», помните? Гениальная Анна Андреевна: не вспоминала уже целую вечность. Равно как не помню, когда встречала кого-либо в аэропорту... разве только во сне... или это были галлюцинации, навеянные коварным «Vinho Verde»...

Иосиф

Два дня не мог Вам написать. Нет, не из-за дел – рука не шла. Шатался по кабакам. Да и сейчас не сух, милая Nataly уж не корите Скорпиона. Мы народ меченый. Тем более что полтинник за спиной оставил... Правда, ровным счетом ничего не изменилось. Даже обидно. Думал, мудрее стану... Позавчера в джазовом подвале одна молодящаяся моей спутнице: «Скорпион?! Дорогая, бегите! Все остальное – да, но только не это!»

Посмеялись. Вот ведь, сударыня Наталья, страху мы нагнали... Эт-те не Ваньку валять – уметь надо. Ахматова? Как же, помню. Другое, правда:

Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем,
И за тебя я пью,
За ложь меня предавших губ,
За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и груб,
За то, что Бог не спас.

Но это несколько не мое, хотя и преклоняюсь. Я вот со стариной Осипом согласен:

Ой-ли, так-ли, дуй-ли, вей-ли,
Все равно.
Ангел Мэри, пей коктейли,
Дуй вино!
Я скажу тебе с последней прямою:
Все лишь бредни, шерри-бренди,
Ангел мой.

Ах, ангел мой Nataly, приперся я домой, позвонил снизу – никто не открыл. Носит Вас, душенька, по раутам и бомондам, управы нет, за ключом пришлось лезть. А ведь сразу не найдешь, в дюжине карманов-то, джинсы там, пиджаки с запывившимися лацканами. А может, и к лучшему, платок тут какой-то с кружевами оказался – скандалу не оберешься.

Конфуций: не пиши письма в возбужденном состоянии. А выпивши? Ща как кликну... А вдруг, глядишь, накликаю? И улетит. Не воротишь ведь. А... была не была, где наша скорпионская душа не пропадала. Сколько накликал, че добро пропадать?

Вру, вспомнил, не пил он, Конфуций, все морали да нотации. Вот Ли Бо – другое дело. Весельчак и шельма.

Иосиф

Добрый день, Nataly!

Не берите в голову и простите, что озадачил хорошего человека.

Вообще армяне в состоянии совершенной отключенности не впадают. В конечном счете, обволакивающее действие алкоголя провоцирует помесь иронического куража, подтрунивания друг над другом и над собой и, конечно, неизбежный разговор о «тяжелой армянской судьбе». Есть даже анекдот. «Вопрос: как получить черную тушь? Ответ: надо взять стакан чистой воды и капнуть туда каплю армянской судьбы».

А сейчас нормальный ответ на Ваше письмо. Спасибо за вечерний рассказ. Черное. Вам идет точно. С конца 19-го века цвет интеллектуалов и загадочных женщин. «Божественный абсолюте есть тьма, а не свет». Цитата: «просто относил перевод на заверение...» Какая прелесть это «просто»!

А потом застучали каблучками, та-та-та: «черные брюки, черный свитер, черные туфли, розовый кожаный пиджак... розовый – не леденцовый (помилуйте, как можно-с?!), а, пожалуй, очень светло-малиновый...» Да еще сводящая меня с ума гладкая прическа... Осталось только в легкой спешке накрасить перед зеркалом ресницы, чуть приоткрыв при этом губы, и мельком взгляд на меня назад... ну что, поразила!? Прелесть, Женщина Наталья! Может, я все это накрутил, тогда оставьте меня в этом теплом заблуждении.

Неистребимо вредного Скорпиона Вы удивили. Снимаю шляпу. И если моя «армянская судьба» будет ко мне благосклонна, то может, доведется услышать Ваше пение. Думаю, что это должно быть нечто притягательное.

На сцене стоять – штука магическая. Я, правда, пережил это в несколько буйной форме, когда играл в студенческой рок-группе. Но это другое.

«...в центре ладони ощущение от легкого... или мне показалось?» Не показалось, сударыня. Если только мне не показалось, что чьи-то ладони закрыли мои глаза, приблизившись со спины...

Nataly

Милейший Иосиф, по поводу звонка в дверь... надо понастойчивей... я после раутов и бомондов сплю крепко, так что нет моей вины, если Вам пришлось искать ключ в бесчисленных карманах.

Про черный цвет – как всегда точно. «Божественный абсолюте...» – конечно, я и сама к этому же прихожу. Это, кажется, кто-то из философов времен Канта? Не уверена, но все же? В вопросах философии мне до Вас далеко. Вы мне иногда кажетесь сущим Ангелом, но чаще – Дьяволом, и я не знаю, в какой ипостаси мне нравиться больше.

Действительно – почему нам, милым и соблазнительным, не удастся накрасить ресницы, не приоткрыв чуть при этом губ?

По поводу моих вокальных экзерсисов: пою романсы, чаще под гитару. Лучше, если кто-то играет профессионально, я в аккомпанементе не сильна. Голос низкий, но говорят, неплохой...

Иосиф

Низкий голос? В письме не поймешь, но я был уверен, что низкий... Хотите позабыться? Вот, искал специально для Вас фотографию времен рок-группы. Это я, скажем так, в невинные девятнадцать лет.

Nataly

Да... Будь мне в то время хотя бы лет четырнадцать, то потеряла бы голову... Эти длинные выющиеся волосы по плечам... Представляю, сколько бедных девичьих сердец Вы разбили...

Иосиф

Потеряли бы голову? Может, мне перестать коротко стричься и отрастить волосы? А что, это мысль!

* * *

2008 год. Эрфурт

– С добрым утром, сонный Осик! *Уж* извини, что разбудил, но что-то я тебя несколько раз не заставал. Видно, куролесишь вечерами с молодыми девицами, мозги им пудришь... «под сладкий лепет мандолины»...

– Колюнчик, рад ужасно слышать твой голос! Да все равно уже пора начинать трудовой день... Какие девицы?! Чур меня, чур... Я серьезный господин почтенного возраста... кефир там... шашки...

– Знаем мы ваши шашки... Вот с этим и хотел поздравить, но не застал. Еще столько же, Осик, и в таком темпе, с таким настроем и в такой же великолепной физической форме... Поздравляю, мой дорогой, успехов тебе и личного счастья...

– Спасибо, милый, хотя неприятно это, брр... пятьдесят... не верится... ты уже пережил и свыкся, а для меня это какой-то рубеж, непонятный пока...

– Да брось ты, это все условность. Какой возраст? Главное – состояние души... ну и тела, разумеется, а с этим у тебя все в порядке. Здоров, красив, а уныние прочь... И счастья тебе желаю настоящего, живого, а не виртуального... Прочел, прочел я твое электронное послание о лиссабонской девушке Наталье... Что-то много эмоций для переписки неизвестно с кем, от скуки?

– А, получил, значит... смог разобраться со своей почтой? Молодец, делаешь успехи. Я так и подумал: сам не сможет, дочка придет на помощь... А так хотелось поделиться, не утерпел... настроил тебе письмо.

– Только мне показалось, что ты слишком серьезно к этой переписке отнесся... С чего бы это? Ты же шутник, мистификатор, а тут вдруг такая лиричность...

– Поначалу, правда, от скуки бродил в Сети, потом в шутку, потом заинтересовался, потом стал получать удовольствие... Не поверишь, Колюн, читаю письма и слышу ее голос... так живо представляю себе эту женщину, как будто давно знаю...

– Вот чудак, а если это не женщина, а лысый мужик семидесяти лет развлекается, или тетка в сто кг весом тешит себя иллюзиями?

– Нет, я бы почувствовал... понимаю, что фотографию можно прислать любую, но она... вернее, ее мысли, чувства, эмоции точно ложатся на внешний облик.

– Ох, женить тебя пора, засиделся ты в девках и поистаскался с молоденькими... вот и фантазируешь для души. А что не позвонишь ей, не слетаешь в Лиссабон, если она стала тебе так близка и интересна?

– Сам не знаю, боюсь... А вдруг не то? Хотя чувствую, что это моя женщина... но вот пока не решаюсь даже позвонить. Но вообще, конечно, поеду... может быть, даже скоро, все к этому идет... Смешно, да?! Роман в письмах... не мог себе представить этого всерьез.

– Да, забавно и не похоже на тебя. Но дай Бог, Осик, чтобы это оказалось тем, что тебе действительно нужно. Я был бы очень рад за тебя. Звони.

– Спасибо, Колюня, привет своим.

* * *

Nataly

Добрый вечер, Иосиф!

Похоже, у меня появился повод надеть столь милое Вам черное платье: мой приятель проводит презентацию своей новой книги о Макиавелли, и я, разумеется, приглашена. Дело за малым – за спутником в смокинге или хотя бы не в джинсах и ковбойке... Здесь довольно странная традиция появляться на разных мероприятиях, которые предполагают хотя бы минимально соответствовать протоколу, чуть ли не в пижаме и шлепанцах.

Nataly

Добрый вечер!

Как-то непривычно, что мое письмо осталось без ответа... Некогда? Или уже не будет изящных остроумных посланий?

Иосиф

Несправедливо, сударыня Наталья!

Уж и своими делами заняться не дозволено... Конец года, а это значит заказов – кот наплакал, но финансовый отчет подготавливать надо. И мой главный враг после финансовых органов – почтовый ящик. Счета да напоминания. И уже начинают приходить пожелания «счастливого Рождества», что в переводе значит «только не уходите из нашей компании». Рождество – время веселое. Семейный праздник как-никак. Вот только как-то невесело... Или это занятие невеселое – разбираться с дурацкими бумажками? Если душе повезет, то напишу вскорости. Не сердитесь, милая Натали... милая, милая Натали...

* * *

2008 год. Москва

– Алло, Колюнчик, привет!

– Осик, дорогой мой! Что не звонил давно? Не летал ли, случаем, в Лиссабон к прекрасной незнакомке? Рассказывай...

– Да нет, работы много было, потом с делами накопившимися разбирался... Хотел после Нового года поехать, посвободнее буду... но тут такая дурацкая история...

– Что такое? Она открыла тебе страшную тайну: у нее муж, трое детей и двое внуков?

– Не в этом дело... с ней как раз все замечательно, вернее, с ее письмами...

– Ну что тогда? Что ты молчишь? Осик! Не молчи. Что-то случилось?

– Да такая чушь, не знаю с чего начать... сам не могу поверить...

– Слушай, ты меня не пугай, рассказывай...

– Был я недавно у врача, Каринка заставила пойти... Кашель у меня, не то чтобы сильный, да и горло не болело, просто кашель...

– Ну...?

– Ну, что ну? Я внимания не обращал, крутился как белка в колесе, думал, пройдет... так пару месяцев тянулось... потом все же пошел, сделали обследование... оказался рак легких... надо оперировать... такая вот история... Колюн?.. Что ты молчишь?

– Не могу поверить...

– Да я и сам был ошеломлен! Тем более ничего же не болит! Просто бред какой-то...

– А ты уверен, что врач не ошибся? На до еще проконсультироваться... бывают же ошибки...

– Знаешь, сколько уже консультаций, обследований, анализов?.. Тоже надеялся, что вдруг врач ошибся... пришлось поверить...

– Каринка знает?

– Нет, что я ей буду Новый год портить, после скажу. Никому не говорил, тебе первому... тяжело в себе носить... а с кем поделиться? Хотел и тебе после праздника позвонить, но не выдержал... извини, старик.

– Ты дурака-то не валяй, какой там праздник... Что врачи говорят?

– Оперировать надо и как можно скорее... Две недели отбил до Нового года, не из-за праздника... какой к черту праздник... Каринка приедет на Рождество, хотелось с ней провести пару дней, порадовать ее чем-нибудь... все-таки традиция, привыкли в Германии... Сразу после Нового года ложусь в клинику, оттуда уже ей сообщу.

– У тебя мобильный с собой будет?

– Да. И в палате телефон есть, я тебе позвоню, когда операцию назначат.

– Сразу же позвони и номер в палату дашь, чтобы я был с тобой на связи. Ты только настройся на хорошее... Осик, ты знаешь... все будет хорошо, я верю. Главное, ты должен быть уверен – все будет нормально. Это просто испытание, очередное испытание, и ты должен его выдержать... Выдержать и забыть. Договорились?!

– Да я себя примерно так и настраиваю. Поговорил с тобой, и легче стало, а не хотел звонить... маялся, маялся... потом думаю, нет, позвоню...

– Дурак ты, Осик. Надо было сразу рассказать...

– Позвоню из клиники. С наступающим тебя, Кэлюнь...

– И тебя, Осик! Все твои болезни останутся в 2008-м, понял? А 2009-й будет удачный и счастливый, и ты будешь, здоров, как бык... Немного придется напрячься и выздороветь... Обнимаю тебя и жду известий.

– И я тебя обнимаю, всех своих поздравь. Пока.

* * *

Иосиф

Значит, Макиавелли... Да, Флоренция просто плодила знаменитых ребятишек. Ну как, нашли элегантного спутника в смокинге, шлепанцах и с баннным полотенцем на шее? Боюсь, я бы Вас тоже не устроил – галстуки на дух не принимаю, профессия, к счастью, позволяет. Но где-то лежит роскошная бабочка к итальянскому черному со стоячим воротником сюртуку. Обронил кто-то кружевной платок с запахом Расо Rabanne, или мне показалось?..

Nataly

Приношу свои извинения за то, что оторвала Вас от дел насущных... к хорошему, знаете ли, привыкаешь быстро! Со спутником, надеюсь, все решилось. Правда, на бартерной основе. Он, конечно, с радостью отвезет меня на своем «мазерати», думаю, и бабочку наденет, но за это мне придется идти с ним на концерт какой-то молдавской попсовой группы. Совершенно не представляю себе, что это такое и, главное, как это можно слушать. Вообще-то у моего знакомого довольно неплох ой вкус: недавно слушали с ним Вивальди в исполнении Варшавского симфонического, смотрели веберовских «Кошек», они приезжали в рамках прощального мирового турне...

Ну да ладно, не такая уж это и тяжелая плата – сходить на концерт, только там слишком уж много будет присутствовать молдаван... Знаете, как в старом анекдоте: «Ненавижу две вещи – расизм и негров». Вот только здесь стала делить людей по национальному признаку. Может быть, среди приехавших сюда на заработки украинцев и молдаван встречаются неплохие люди, но... почему-то не мне.

Я сегодня несколько агрессивно настроена. Произошла досадная путаница с моей статьей, опубликованной без моего ведома и с совершенно идиотским названием. Теперь пытаюсь концы найти... но пока безрезультатно. Жду, чем все это закончится. А пока остается достать пальцы и вышивать платочки, чтобы недостатка в них не чувствовать.

Иосиф

Ах, «мазерати»... Куда там, с моим месяц не мытым «ауди», заваленным пробными оттисками и квитанциями за парковку... Светлая кожа, аппликации из палисандра вперемешку с хромом... Пойдешь тут на бартерные соглашения. А если «феррари»... и красный?.. Тогда не только молдаван пойдешь слушать, но и в молдавский народный костюм можно наряжаться... на «бартерной основе». А если еще Ваш спутник хотя бы отдаленно похож на этого, с одутловатым носом, мыльно-проникновенным взглядом и бриллиантовым колье в шкатулке!.. О, Ричард Г...! О, «Pretty Woman...»! Тайны загадочной женской души... Ах, нет... Вы шутите, сударыня...

Nataly

Хотя и считаю Ваши претензии несколько необоснованными, дорогой Иосиф, отвечаю построчно!

Во-первых, как истинная женщина, слаба и люблю красивые «примочки» в виде «мазерати» с сиденьями из светлой кожи, с палисандром и хромом, поданный к подъезду моего дома. Молдаван на «бартерной основе» я еще выдержу и думаю, что потом буду приглашена на какое-то стоящее музыкальное представление... А вообще мы, женщины, не всегда в своих поступках руководствуемся логикой и расчетом. Последнее брачное предложение я получила от молодого поляка, младше меня на несколько лет, с особнячком в Кракове и, представьте, с бриллиантовым колье в наследуемой шкатулке. Даже платье свадебное присматривала, но, увы... вот сижу в дождливом зимнем Лиссабоне, потягиваю красное вино и плету кружева на коклюшках, чтобы обшить ими тонкий батистовый платочек, который, возможно, с восхищением поднимет достойный... не знаю даже, как сказать – соперник, друг, возлюбленный...

Так что, Иосиф, ну не стала бы я писать в письмах человеку, с которым мне так приятно общаться, о реальных мужчинах, присутствующих в моей жизни. А если общение неинтересно, я его прекращаю сразу, не тратя своего времени. Меня не устраивает менталитет людей, не выросших в СССР, как бы странно это ни звучало. И я хочу общаться с человеком, который, как минимум, смотрел те же мультфильмы в детстве.

Иосиф

Нет, нет, я понимаю, как мое молчание можно интерпретировать. Но это совсем не то, не беспокойтесь, Nataly.

Когда только двое – уходить по-английски признак дурного тона. Да и не упускать же возможность заглянуть в глаза и приглушенно: «*adieu, chéri...*», скользнув неслышно по щеке пальцем... Просто были обстоятельства, не оставляющие возможности писать... впрочем, я пишу Вам – мысленно... Потерпите, Nataly, скоро, совсем скоро напишу...

Иосиф

Ну, вот и я, Nataly. Добрый день.

А теперь к нашей, скажем так, дискуссии. Общение на расстоянии действительно приводит к некоторым недоразумениям. Короче говоря, Ваша интерпретация моей реакции на «мазерати» и иже с ними даже близко не лежит к истинной причине моего сарказма. Может, я Вас этим несколько расстрою, но ни Ваш чудака с букетом в зубах, ни его палисандровые аппликации меня не интересовали. И даже мой слегка ядовитый скетч по поводу падкости женщин

на всякие «примочки» не был основной причиной моей, честно говоря, легкой разочарованности. Я не люблю агрессии. Делал людям больно когда-то. Именно от надменной агрессивности. Кичился в молодости интеллектом. Пока не дошло, что это демонстрация собственных комплексов. Взрывами гнева страдаю и сейчас, но куда реже. Я далек от мысли утверждать, что Вы в принципе агрессивный человек, но все эти национальные комментарии... Я встречал людей, которых бессовестно «кидали» армяне, видел в Москве дикую поножовщину татар с цыганами, нас с женой игнорировал в таллинском ресторане плебей кельнер (там я действительно впал в бешенство), а здесь слышал, как двум русско-немецким переселенцам в спину послали: *russische Schweine* – русские свиньи. Они вечером прогуливались в тренировочных синих рейтузах (пом ните, продавались такие в советские времена?). Но именно они хотя бы пару книг прочитали, благодаря совдеповскому образованию, а даже средний немец (француз, португал, да кто угодно, об американцах и говорить нечего) думает, что каталог «Товары – почтой» – это книга. Я здесь на себе ни разу не почувствовал, хотя по глазам видел: хочет гавкнуть, но глотает. Так что у меня на все эти национальные комментарии аллергия. В Армении 98 процентов армян, мы ко всем снисходительно относимся, к самим себе и даже к господину Богу. А что нам, мы самые древние христиане на земле... Так, все – стоп. Не обессудьте, это не обвинение, а объяснение. Каждому свое... У меня сложилось впечатление, что у Вас синдром соперничества: «соперник, друг, возлюбленный» – уже второй или третий раз. Ах, сударыня Наталья, если Вы считаете меня соперником, то я лучше поскорее сложу оружие – так и закончить недолго, ненароком.

P.S. И не сердитесь, а напишите уставшему Скорпиону милое кокетливое письмо без всяких там объяснений к вышенаписаному

P.P.S. Устал, сударыня, прощаюсь... видите, какое объемное письмо, после некоторого перерыва... А, что-то еще хотелось сказать? Ну, в другой раз... чувствую себя китайцем на рисовом поле. Знаете, по рисинке, по рисинке, метр за метром, целый день.

Nataly

Здорово Вы меня... я хотя бы с мыслями должна собраться, чтобы не отвечать с налету... а то опять... чего-нибудь напишу...

Иосиф

Nataly, отнеситесь к моему письму философски, а к себе не очень серьезно. И сделайте одолжение, перечтите последний абзац моего письма... на него как раз не жду ответа. На этот раз мне достаточно, что Вы его прочли.

* * *

Январь 2009 года. Клиника

– Аллю, Осик дорогой, как ты? Каринка сказала, что все хорошо, врачи довольны. Я с ней позавчера говорил после операции. Она сказала, что через пару дней можно уже тебе позвонить... Ну, как ты? Немного отошел?

– Колюня, привет. Да все ничего, нормально, вроде прихожу в себя. Врачи действительно полны оптимизма – это радует... Ты же знаешь... – я здоровый парень, серьезнее насморка ничем не болел... Спина – проблема, но это уж моя вина, а откуда вдруг такая пакость – ума не приложу.

– Ну, ладушки, будем надеяться, что все позади. Долго ты в клинике пробудешь?

– Сейчас недели две, наверно, а потом – химиотерапия, и в марте – на месяц в санаторий. Хорошо, что с перерывами, хоть как-то с делами разберусь. От каких-то заказов при-

дется отказаться, студентов моих кому-то пристроить... ну а что уже в печати, смогу, может быть, закончить и сдать.

– Как там у тебя условия? Карина с тобой?

– Условия потрясающие, но лучше сюда не попа дасть. Каринка все три дня здесь была, сегодня утром уехала. В выходные приедет, хотя это и не нужно. У хаживают за мной, как за принцем крови... Но это не оттого, что я такой прекрасный, а просто за всеми такой уход.

– Отрадно слышать. В Москве это проб лема, вот уж здесь точно лучше не попадать в больницу. Ну не буду тебя утомлять, через пару дней позвоню. Отдыхай, набирайся сил... Я очень рад, что ты молодцом... Обнимаю.

– Спасибо, Колюнчик, и я тебя обнимаю.

* * *

Nataly

А я-то уж было собралась отвечать именно на последний абзац Вашего письма, а все остальное пока просто принять к сведению... Про рисинки – спасибо, а в глубине души тихонечко себе говорю: но ведь если мой собеседник это делает, значит, ему это все-таки нужно?

Даже в мыслях не держала Вас за соперника! Отдаю пальму первенства безоговорочно. В эпистолярном жанре мне трудно с Вами тягаться. Не лишайте же меня, Иосиф, своего общения! Ваши письма для меня, как глоток чистого воздуха. Отрезвляющие и мудрые, жестокие и ироничные, насмешливые и откровенные, язвительные и добрые... Среди всего мусора, что ежедневно приходит на мой почтовый ящик, они как легкое касание пальцами клавиш старинного рояля, как музыка, тих онько звучащая в ночи, как невесомое прикосновение губ, шепчущих: «А сейчас помолчи немного, просто послушай, что я скажу...»

Спасибо... Редко кто мне говорит такие вещи, хотя я их заслуживаю. Я не агрессивна, честно-честно! На самом деле я очень романтична и сентиментальна, что старательно пытаюсь скрыть, опасаясь показаться смешной и наивной.

Ну вот, опять не получилось ничего кокетливого, разве только локон, накручиваемый на тонкий палец.

Иосиф

Конечно, Вы заслуживаете всех этих рисовых полей, милая Nataly...

Спасибо за откровенность, но неделя сложно началась, пока до приличествующего письма не дотянусь, мозги другим отягощены.

Не обращайтесь внимания и пишите мне, Nataly.

Nataly

Когда я учила португальский, то с удивлением обнаружила, что слова «ад» и «зима» отличаются здесь только одной буквой. Это настолько совпало с моим ощущением зимы... Зима – просто мертвое время для меня. Все мысли только в ожидании весны.

И вообще – многое пришлось принимать и понимать по-новому, но я знала, что здесь меня никто не ждет. Сама решила уехать, и самой приходится расхлебывать заваренную кашу. Если бы пришлось сделать это повторно, не знаю, рискнула бы или нет. Одиночество – тяжелая штука, но порой она приносит столько возможностей реализоваться. Заняться тем, что от нехватки свободного времени и боязни выглядеть смешной никогда не получалось прежде.

За окном мелкая морось, ветер и Вертинский в наушниках...

Кофе-пауза закончилась, поработаю еще немного... может быть, потом напишу что-нибудь более оптимистическое...

Иосиф

По поводу зимы у меня то же самое. Южанам это противопоказано. Понятие «холодно» переходит из физического состояния в психологическое. Хотя, как Вы Питер вспомнили как-то, так я Москву Коломенское, слепящий снег... Это нужно иног да, как баланс, но не постоянная мерзлость, слякоть и серое давящее небо.

Вам повезло: Вы полюбили свою, как говорят немцы, «выбранную родину». Все правильно – эмиграция учит, я научился в Германии жесткости в работе, но принять ее, как Вы приняли Португалию, было сложно. Слишком велика разница между моим менталитетом южанина и северным, в частности немецким. К тому же там, где я живу, армян, да и каких-либо эмигрантов моего круга, практически не было, так что как в холодную воду головой... Не зная языка и духовной структуры местного люда... С немецким, несмотря на всю его сложность, оказалось проще, для меня это был вопрос чести – через три года я уже преподавал корпоративный дизайн. С менталитетом оказалось сложнее. Хотя все милые, вежливые...

Nataly

Два года назад была в Париже. В двух шагах от отельчика на Монмартре маленький армянский магазинчик. На рецепшен сразу предупредили, что там говорят по-русски и с удовольствием общаются с хорошенькими женщинами. Хозяйка, очень красивая дама за пятьдесят, и два ее сына. Действительно обаятельные молодые люди.

Снабдили меня картами, схемой метрополитена и даже провели экскурсию по вечернему Парижу с заходом в маленький армянский ресторанчик своего родственника. С ними было очень легко, очевидно, это и есть менталитет южанина...

Nataly

Здравствуйтесь, Иосиф!

Как Ваши дела? Или совсем не дают возможности для общения?

Иосиф

Здравствуйтесь, Nataly!

Упрекаете? Напрасно. Вот немного освободился и сразу пишу Вам. Кроме всех тягот жизненных – совершил непостижимое: разобрался с бумагами всяческого происхождения. Заняло целую неделю! Вот такой архив накопился за семнадцать лет жизни в этом городе. По сравнению с этим уборка и стирка были увеселительной прогулкой. Когда закончил, сверху спустились два ангела, поразились и предложили нимб последней модели – отказался. Во-первых, сам себя знаю, чего высовываться, во-вторых, работать неудобно – в мониторе отражается. У меня сейчас серьезная дилемма: писать серьезно или нет? Ну, так, самую малость, на большее ни прав, ни претензий не имею... Я мудрый и обуглившийся на своих ошибках Скорпион, знаю, что вы, женщины – это нечто. Люблю я вас, но дозированно, поскольку все остальное заканчивается кровопийством. Причем чисто женским, хотя в результате – она всегда невинная жертва.

Nataly

Не льстите себе! Ангелы были либо падшими, либо слепыми. Нимб?! А крылья? Больше всего Вы напоминаете мне Воланда, мессир. Может, в этом и заключается секрет Вашей молодости и мудрости?

А что касается Ваших опасений... Я стараюсь не давать свободы своим чувствам, не умею их дозировать, поэтому не хочу доводить ситуацию до того, чтобы она «заканчивалась кровопийством».

Иосиф, я помню все Ваши письма, у меня отменная память: «Не старайтесь отстаивать свою женскую независимость, Nataly, мне она, во всяком случае, не понадобится» – и это я тоже помню, давно я ничего подобного не слышала. А как иногда хочется забыть про всю эту самонадеянность и самоуверенность, за масками которых проходит вся жизнь. Хочется на деть туфли на высоченной шпильке и знать, что тебя поддержат и проведут по тонкому мостику за руку не дав покачнуться... Хочется зажечь свечи, заварить крепчайший кофе и в молчании посидеть за столом на уютной кухне... И не потому, что сказать нечего и все уже переговорено, а потому, что все и так понятно без слов. По-моему, самое большое взаимопонимание возникает тогда, когда можно молчать, находясь рядом с близким человеком и не испытывать при этом скуки и неловкости, а только безграничное доверие, любовь и нежность...

Иосиф

Вот мы юбилей проморгали: сотое письмо? Уму непостижимо. Интересно, кто его написал, я или Вы?

Nataly

Сто писем!!! Это просто невероятно для меня, думаю, и для Вас тоже... Я так боюсь потерять это удовольствие нашего общения! Сотое было Ваше. Пару раз возникало желание Вам позвонить, просто услышать Ваш голос, но что-то останавливало... Кстати, почему Вы думаете, что я хочу жить воспоминаниями?

Иосиф

«...почему Вы думаете, что я хочу жить воспоминаниями?» А с чего это Вы, во имя всех моих рисовых полей, думаете, что я так думаю? Где это Вы вычитали? Зря я стараюсь? А «...полные чувственности письма...»? Это Ваше... нечего удивленно бровки поднимать. А что? Мне понравилось... А я, душа Наталья, стилистически точен, а когда утрирую, не перегибаю. А все, сударыня, от любви и уважения к адресату, к Вам то бишь. Захотелось – позвоните 0049... Все гениальное просто. А я этому гениальному буду очень рад.

Nataly

«А с чего Вы, во имя всех моих рисовых полей, думаете, что я так думаю? Где это Вы вычитали?» В Вашем письме, разумеется. Мессир, отдаю должное Вашему интеллекту, но мы оба умеем читать между строк и обращать внимание на детали, которые кем-либо иным были бы пропущены...

Nataly

Милейший Иосиф!

У нас дожди и «фаду» под белое вино с жареными каштанами... все признаки португальской зимы. Да и Вы пропали...

Иосиф

Ездил в Мюнхен, подруга защитила докторскую. Отошел душой. Собрались в основном армяне, устроили типичный ереванский шухер: бредовая смесь из музыкального коктейля армянских песен и джаза, из граничащих с идиотизмом интеллектуальных тостов и пары тысяч новых анекдотов, ни одного не запомнил... И безумного количества вкуснейших б люд, изготовленных деланно недовольными армянскими кокетками, смертельных обид на пять минут и еще более коротких флиртов. Пара затерявшихся среди нас немцев, согнувшихся под нашим энергетическим полем, никак врубиться не могли, как можно в этом диком шуме и хохоте что-

либо понять. Можно, сказал я одному. Если сделать ему переливание крови и по держать на тридцатипятиградусной жаре, ну, скажем, лет пятнадцать. Он меня не понял, хотя сделал вид.

Так что – оттянуло. На какое-то время хватит. А сейчас снова – неоплаченные счета и вежливые выяснения отношений с клиентами. Вы знаете, Наталья, что все суета сует и томление духа. А впрочем, это зима. Настроение меняется – любая капризница позавидует. Мне серое небо противопоказано.

Nataly

Все перепутано в этой Португалии... ни зимы тебе со снегом, ни осени с ее долгожданной депрессией, которая свойственна всем разумным представительницам прекрасной половины. У меня депрессия началась после непрекращающейся череды новогодних праздников... Не знаю, что накатило, почувствовала себя сорокадвухлетней, хотя раньше больше двадцати пяти себе не позволяла! Ну да Бог с ним, все это временно... Уже завтра синоптики обещают небывалые холода, идущие к нам из Европы, придется пить горькую для согрева и закусывать горячими закусками, по рецепту профессора Преображенского... А это так бодрит! А еще окунуться с головой в работу и терпеливо ждать весны, которая уже на подходе... Не пропадите, Иосиф, глядишь, вместе и доберемся до весны...

Иосиф

Ну-ну, выше прелестную голову, умница Наталья!

Я тоже никак не выползу из построждественско-новогодней апатии. Голову вроде выпростал, а другие конечности увязли. Хотя вроде все хорошо. Работать-то надо... по этому поводу переговоры, и большей частью – приятные, если все получится, конечно. Автосалон в Женеве опять же... ездил с дочкой.

Вчера в джаз-клубе был «горячий» концерт. Ребята выложились на все сто. Настроение поднялось несказанно. А после восторженная дура-красотка ляпнула глупость... и как серпом по голове. Утолите душу скорпионову, да неприкаянную, прелестница Наталья, расскажите, что не жалко.

Nataly

Ах, милейший Иосиф!

Ну не скрывать Вам Вашу «ангельскую» скорпионскую сущность в эпистолярных экзерсисах, весь сарказм и ирония проявляются с лучшей стороны: «восторженная дура-красотка»... Обидно, что почему-то этот стереотип так прочно укоренился в сознании половины человечества, не всегда обоснованно считающей себя сильной... Сразу же начинаешь думать, а что лучше в глазах уверенного в себе «мачо»: красотка или умная? А про себя-то точно знаешь, что сама пока еще и то и другое... И некому провести за руку по тонкому мостику...

А женеvское небо более приветливо, чем эрфуртское?

Иосиф

Рад был прочесть Вас, душа Наталья! В Женеве было солнечно и на удивление тепло. Но у дочки разболелось горло, так что мы промчались по Автосалону галопом, коротко заглянули на стенд, который я оформил, а оставшееся до ночного экспресса время лечились горячим супом и какао вперемешку с чаем. По поводу «дуры-красотки»: напрашивается, красотка Наталья, ох напрашивается... Сами знаете, что исключение из правил, его же и подтверждающее, но услышать еще раз, ну ах как хочется...

Но заслуженно, чего уж там... Вы ручку-то подайте, тут темно, склизко, не ровен час... Мостик уж, поди, вечность не ремонтировали, куда только деньги идут?.. Ну, всюду коррупция... Дерево вон прогнило все, а если обвалится, то что?.. «Вот не удержал, а еще сильная

половина, в грязи извалял, платье новое загубил, последнее было моего размера, нет чтобы на руках вброд перенести, с взором лучистым»... Эх, лукавая да нелегкая...

P.S. Я сам, дай Бог, исключение, вот только правило к себе никак не придумаю.

Все, закругляюсь, а то такое наворочу опосля греческого красного – поди, расхлебай потом.

* * *

Март 2009 года. Москва.

– Алло, Колюнчик дорогой, здравствуй!

– Осик, дружище, привет! Рассказывай, как ты?

– Звоню из санатория, чувствую себя прекрасно, хочется, чтобы все это поскорее закончилось и можно было жить в обычном ритме.

– Ну, ну, не торопись. Работа, сам знаешь, не волк...

– Кто бы говорил! Господин трудоголик... Нет, как раз моя работа может и убежать. Мне надолго из обоймы выпасть нельзя – конкуренция... молодые, способные – подметки режут на ходу.

– Что врачи? Довольны тобой?

– Пока да. Тьфу, тьфу... В начале июля на до будет лечь в клинику на обследование. Через полгода после операции... Так что до июля я в подвешенном состоянии. Ничего не могу планировать с работой, от хороших предложений приходится отказываться – сердце кровью обливается. Из университета звонили: беру ли я с осеннего семестра курс? А что я до июля могу сказать?

– Перестань, Осик, выздоровеешь окончательно – все наверстаешь! С твоим-то упорством – какая конкуренция?..

– Ну, хорошо бы так... Да, Колюнчик, в Ереван поеду в мае. Решили с Каринкой ехать по отдельности в этом году. Пока у меня свободное время, я смогу подольше остаться... и в Москве спокойно, не торопясь, побуду...

– Ну и замечательно, повидаемся, все обсудим... Я тебе книжечку приготовил про чудо-настойки. Будешь лечиться «сабельником и золотым усом». Все хвори как рукой снимет. Я как раз тебе настоячку-то к маю и закажу у травника.

– Ну, если чудо-настойка, тогда я за себя спокоен...

– Не иронизируй, голубь мой, будешь пить как миленький! Хорошо, что в Ереване поживешь подольше... Как мама твоя, знает?

– Нет, ничего не говорил. Она и так после смерти отца сдала... сестра-инвалид, о ней заботиться на до... Зачем я еще буду добавлять переживаний? Авось обойдется – они и не узнают...

– Конечно, обойдется, даже думать не смей о плохом... ты знаешь, что мысль материальна...

– Да стараюсь не думать, но все же это июльское обследование как дамоклов меч над головой. Боюсь думать о будущем, планировать что-то... Вот в Лиссабон хотел поехать, сейчас думаю до осени отложить...

– Роман-то твой в письмах продолжается, или вы уже перезваниваетесь?

– Нет, письма... И прекрасные письма, они мне скрашивают вот эту теперешнюю бесприютность.

– А ей ты написал о своей операции?

– Нет, ну что ты, зачем? Я в письмах этакий уверенный в себе герой-соблазнитель, на плечо которого может опереться нежная одинокая женщина... Какие уж тут болезни...

– Ну ладно, поживем – увидим. Я очень рад, что ты в Москву приедешь, буду ждать.

– Пока, дорогой, обнимаю.

* * *

Иосиф

Nataly, у меня на компьютере накрылся жесткий диск и пропали все данные. Пришлите мне на мой mail Ваш телефон. Обяжете бесконечно. **Я.**

Nataly

Мои телефоны кто-то обещал вырубить на стене, если память, конечно, не изменяет.

Иосиф

Выбил, разумеется... Как на колонне Траяна – благородной антиквой. На последней цифре стена этой ответственности не вынесла – обвалилась и пришибла соседского мопса во время сиесты. Суд меня оправдал, но стену пришлось строить заново. Но больше решил не рисковать: соседи купили бульдога.

Nataly

Добрый день, Иосиф!

Что-то Вы молчите? И телефон мне ничего нового о Вас не рассказал, тоже молчит... Хотя я всю последнюю неделю провела дома, написала две статьи, которые откладывала до последнего момента. Тема не очень интересна мне, но материал заказной, а кушать хочется... Пришлось себя заставить. Зато сегодня вечером устрою себе маленький праздник... Пойду с друзьями в самый старый и знаменитый джаз-клуб. Тусовка своя, но чужаков принимает...

Иосиф

Не сердитесь, душенька Наталья.

Бегал, высунув язык. На этой неделе лечу в Москву а оттуда в Ереван. Поездка продлится больше двух месяцев, поэтому «подчищал хвосты», доделывал неоконченное, встречался с людьми и прочее разное... Очень надеюсь до среды застать Вас дома. На всякий случай посылаю еще раз основные адреса, где меня можно застать.

Иосиф, тот самый.

Иосиф

Не-по-вез-ло... Звонил три раза и не застал...

Иосиф

Здравствуйте, душа моя Наталья!

Время летит стремительно, скоро возвращаться в мою одинокую берлогу, а не хочется... К хорошему, как Вы правильно изволили заметить, привыкаешь быстро. Не могу корить Вас за молчание, поскольку в водовороте встреч и событий стал небрежен в переписке. Но я отнюдь не забыл Вас, прекрасная Натали, и о многом хотел бы написать... но чуть позже... Не сердитесь? Ну и правильно. Я знаю, Вы – умны, добры и великодушны.

Три недели в Москве пролетели весело благодаря моим друзьям и довольно плодотворно, имея в виду переговоры о работе и перспективы.

А в Ереване отогреваюсь душой на долгие месяцы вперед. И щемящая грусть – вот и еще день прошел... Еще неделя и уезжать... Здесь отключился от всех забот, тревог и суеты. Другие запахи, другие звуки... Разнежился я, что не есть хорошо, но приятно... Ладно, покайфую еще недельку и вперед... труба зовет... «Покой нам только снится...» Или как там еще: «Душа

обязана трудиться и день, и ночь...» Зато в Эрфурте будут Ваши письма... надеюсь, будут? Не правда ли, Наталья? Не забывайте Скорпиона, милая, нежная...

Иосиф

И где Вас, душечка Наталья, носит нелегкая? Не дописаться, не докликаться, на мейлы не отвечаете... В разгул никак ударились, мирские соблазны одолели... Ну, просто-таки и оставить Вас нельзя без присмотра! Воздержание! В нем одном спасение души заплуталой и плоти грешной! Воз-дер-жа-ние! Эх, утехи мирские...

Стакана никак не найду, ишь, запропастился куда-то, зараза...

Nataly

Честно говоря, я настолько воздержанна, что аж самой иногда противно. На юг ездила по работе, совместила приятное с полезным... вот уж где со стаканами проблем не было. Неделя пролетела, как один день, суетная и суматошная... И тут Ваше письмо! Обрадовалась. Очень. Немного соберусь с мыслями и напишу Вам, милый Иосиф.

Завтра дам отдых мятущейся душе: поеду за покупками. Что-то маловато у меня черных платьев в гардеробе...

Иосиф

Ну как, удачно «отоварились»? Жаль, что не был очевидцем пополнения Вашего гардероба. А «милый Иосиф» все ждет обещанного письма...

Nataly

Виновата, но два дня просидела, заканчивая статью...

Мой опустошительный набег на магазины, устроившие грандиозную летнюю распродажу, завершился вакханалией покупок и покупочек, подарков для себя, любимой, и для всех близких. Комната похожа на склад небольшого торгового центра...

Сортирую черные платья и не менее черные туфли и пытаюсь все это упихнуть в шкаф, который категорически отказывается закрываться.

Я рада, что Вы вернулись, Иосиф. То есть понимаю, что после праздника духовного и душевного общения с друзьями, родными и любимым городом Вам немного одиноко сейчас одному в квартире... Но я рада за себя: Вы вернулись, и опять начались письма... Мне их так не хватало... Ну не буду гладить Вас по шерстке, а то загордитесь и будете лениться писать. Уф, жара несусветная... поздний вечер, а никакого намека на прохладу. Сижу за компьютером в одних шортах и пью ледяную воду с лимоном, и все равно никакого облегчения... Нет, это невозможно, пойду под душ...

Спокойной ночи.

Иосиф

Нет, это действительно невозможно! И она еще желает мне спокойной ночи! Чисто женский садизм! Представляю себе эту картину: красотка Nataly в одних шортах за компьютером! С ума сойти! Эти «гладко забранные назад» волосы, загорелая прямая спина, переходящая в шорты, запотевший стакан в тонкой руке...

Прекратите, Наталья, это – безобразие... пощадите одинокого холостяка... Еще и в душ она пойдет! Это уже просто верх неприличия! Свят, свят... Сейчас мне впору схватить топор и выбежать во двор – колоть дрова, как Челентано в старом добром фильме.

* * *

Июль 2009 года. Москва

– Алло, Коля, привет. Это Диана...

– Диночка, привет, дорогая, как ты?

– У меня все нормально... с Осиком плохо... метастазы пошли... в общем, до такой степени плохо, что врачи не видят смысла оперировать...

– Не может быть! Дина, да он же в мае здесь был – здоровый, веселый... говорил, что прекрасно себя чувствует... Так ведь не бывает! Болезнь как-то должна проявляться, не может такого быть!

– Ну, вот она и проявилась... Да и не так хорошо он себя чувствовал последний месяц... уставал быстро, настроение менялось...

– Да, но я думал, что это нормально перед обследованием. Он же нервничал, боялся неизвестности... но всегда говорил, что чувствует себя совершенно здоровым.

– Бодрился просто, не хотел себя слабым показать...

– Когда ты узнала?

– Вчера вечером, но была в таком состоянии, что не стала тебе звонить... Всю ночь не спала, думала, что же делать?

– Я ему сейчас позвоню...

– Нет, сейчас там очень рано... часа через два... Но позвони лучше сегодня, а то ему могут химию начать делать на днях, тогда он телефон отключит.

– А химия может помочь?

– Да откуда я знаю? Каринке хочу позвонить, может, она поподробнее расскажет...

– Дина, может, Осика в Москву? Через Ирину к лучшему специалисту на Каширку устроить можно...

– Не знаю... он хочет мне приглашение прислать на три месяца, чтобы я к немуехала...

– С какой целью? Поддержать морально и поплакать с ним вместе? Я сам с ним поговорю насчет Москвы. Что-то, а уж хирурги-онкологи у нас – лучшие... Я позвоню Осика, пусть он вышлет все медицинские подробности, заключения, анализы, снимки – ну, в общем, все, и я с этим поеду к онкологу на консультацию. Так и сделаем, не сидеть же сложа руки...

– Ой, Коленька, хорошо бы что-то получилось... Не может же он умереть вот так: ни с того, ни с сего?

– Конечно, нет. Не верю я в это. Не знаю, что за врачи в этой Германии... Сейчас Ирине буду звонить, потом Осика, а потом тебе перезвоню. Пока.

– Сразу позвони, как что-то узнаешь. Я жду.

Июль 2009 года. Эрфурт. Клиника

– Осик, дорогой мой, привет.

– Колюня, так и думал, что это ты... Диана тебе позвонила?

– Да, она мне утром все рассказала. Теперь слушай: не верю и не хочу верить! Не знаю, как тебя лечат в этих роскошных клиниках, но я уже вышел на лучшего, Осик, не просто специалиста, а на лучшего в этой области, Ирина устроила. Мне нужно, чтобы ты в ближайшее время послал мне все медицинские заключения, результаты обследований... в общем, всю историю болезни. Что нельзя по электронной, снимки, наверное, какие-то есть, пусть Карина быстро отправит с DHL. И я со всем этим – к врачу. Даже с переводчиком договорился, так что все присылай на немецком – здесь разберемся.

– Колюня, родной... спасибо тебе за все! Наверное, это пока не нужно. Будут делать химиотерапию, какую-то более сильную, а там уже смотреть по результатам... Подождем...

– Осик, мы с тобой оба идиоты, что не догадались проконсультироваться, когда ты был в Москве. Но ты так расхваливал свою клинику и врачей, что мне эта мысль даже в голову не пришла...

– Но это действительно одна из лучших клиник в Германии, и врачи здесь, Колюня, прекрасные...

– Что же эти прекрасные врачи тянули полгода, чтобы обследовать тебя повторно?

– Ну, полагаю, какие-то основания у них были. И потом, врачи не боги, а медицина – наука весьма приблизительная...

– Слушай, ты брось эти мысли... Да, приблизительная в области психиатрии или терапии. Но хирургия как раз вполне точная вещь: разрезал человека – и все как на ладони... Пришил, отрезал...

– Б-р-р, Колюня, какой натурализм... Но все равно спасибо тебе за хлопоты. Да и неудобно просить у врача все эти заключения, как-то неэтично... как будто я ему не доверяю... Подождем, а, Колюнь? Здесь правда делают все, что только возможно...

– Смотри, Осик, тебе виднее, но я бы подстраховался... Когда тебе позвонить?

– Я сам позвоню, когда будут какие-то новости.

– Ладно, будем ждать положительных новостей. Дер жись, Осик, главное – верь, что все обойдется, и ты будешь здоров. Обнимаю.

– И я тебя. Позвоню уже из дома. Пока.

* * *

Иосиф

Здравствуй, Колюня. Вот, решил написать тебе о том, что по телефону трудно рассказать. Тем более ты, наконец, разобрался с компьютером как средством связи. Я уже дома. Каринка привезла меня из клиники... привезла молча, как будто везла чемодан... Высадила у дома и, торопливо попрощавшись, уехала... Вот сижу и думаю: может, это страшный сон? Не может со мной такое происходить, ведь это моя Каринка, мой ребенок – ласковая, любящая девочка, самый близкий, родной человечек... Еще две недели назад она плакала у меня на плече, как маленькая: «Папочка, только не уми рай! Как я буду одна? У меня же нет никого ближе тебя...» Ты спросишь, почему все так изменилось?

Не поверишь, Колюня, это добрый доктор провел с ней «утешительную» беседу. Он сам мне рассказал об этом. Мол, ваша дочь так переживает, что это может отразиться на ее здоровье. Такие переживания могут привести к депрессии. И постарался ей объяснить, что она слишком молода, чтобы так отчаиваться. Все смертно, и естественно, что родители умирают раньше. А у нее вся жизнь впереди, и она должна думать о себе, а не об отце. Ему уже нельзя помочь, и она должна привыкнуть к этой мысли и воспринимать это спокойно и разумно... Как тебе? Нет, сам-то доктор меня мало удивил: здесь не принято скрывать от больных правду об их состоянии. Но Каринка?! Ее как будто подменили... Сухие глаза, сухой голос, в котором чувствуется раздражение и досада на меня, вот, дескать, не было печали... возись теперь с ним...

Господи, Колюня, как это могло произойти от одной чисто немецкой беседы с посторонним человеком? Ведь это мой армянский ребенок, которому отдано столько любви и тепла... Я в отчаянии, просто убит... Не могу ни о чем думать... То, что я умираю, меньше меня волнует, чем Каринка... В глубине души у меня была мысль о смерти, как о возможном варианте, но я, как ты и велел, гнал ее и, уж конечно, не думал, что это будет так быстро. Полагал, что несколько лет у меня есть. А когда узнал, пришел в ужас именно из-за Каринки... Как она останется одна? Что такое двадцать три года? Для меня она ребенок... И я готов был бороться

за жизнь, пусть за несколько лет, чтобы поставить Каринку на ноги. И эту мучительную химиотерапию, и твой вариант в Москве – готов был на все, ради дочки...

Я все время ищу ей оправдания: например – от горя временно помутился рассудок, или хочет показать мне, какой она сильный и спокойный человек, как она справится со всем без меня...

Но когда слышу по телефону ее равнодушный голос, ее дежурное: «Как ты? Если что-то нужно, позвони – я приеду», то понимаю, что незачем себя обманывать, звонит чужой человек.

И потом, она же наполовину армянка, а вторая половина немецкая... Может, это вторая половина крови и сделала выбор: не расходовать зря нервные клетки, проявить здоровый рационализм и вежливую телефонную заботу... Ей, к счастью, не на до в перспективе кормить отца с ложечки и менять памперсы. Она знает, что когда я не смогу сам за собой ухаживать, мне полагается сиделка, клиника и пр. Страховка здесь оплачивает все. И приглашение Диане я послал только с тем, чтобы рядом просто был родной близкий человек, которого знаю чуть не с детства. Человек, с которым можно обо всем поговорить, который поддержит... Мне казалось, что это должна была быть Каринка, но не получилось...

И если сейчас я с горечью понимаю, что Каринка обойдется без меня (и отчасти это успокаивает), то судьба сестры и мамы не дает мне покоя. Сбережений у меня никаких нет: ну продаст Карина мою машину, хоть и дорогую, но уже двухлетнюю – что это за деньги? Меня мучит мысль, что она не будет помогать моим... Вернее сказать, своим – ведь она у них останется одна... Каринка их любит, всегда любила... и тут же такой холодок по спине: меня она тоже любила, пока все было хорошо и не требовало от нее никаких усилий... Может, я не прав? Ну не может же она их бросить? Хочу поговорить с ней об этом и боюсь. Жду Динку, может, она мне поможет. Извини, старик, что я все это обрушил на тебя. Так тяжело, Колюня, так тяжело...

Николай

Осик, дружище, ну что ты себе навывдумывал? Понимаю, что тебе тяжело, горько, обидно, но, может, все воспринимается тобой слишком остро? Ты сейчас сверхчувствителен ко всему, что происходит: нормальный звук кажется слишком громким, а обычный свет – слепяще-ярким... И все же у тебя мелькнула здравая мысль найти оправдание Каринке. Может быть, действительно девочка заблокировала свои чувства, свою боль, чтобы выдержать все, что ей предстоит. И потом, Осик, что это за похоронные разговоры?

Вот умру я, умру.
Похоронят меня.
И никто не узнает,
Где могилка моя.

Зачем это? Осик, тебе всего пятьдесят лет, ты сильный, ты личность... Медицина бессильна? Ну и черт с ней. Когда врачи отказываются от больного, надо начинать бороться за свою жизнь самому. Тысячи и тысячи примеров, когда безнадежно больные удивляли врачей полнейшим исцелением... Нужно полностью изменить свою жизнь, стать другим человеком, бросить все и уехать... Есть такие места, где люди оставляют свои болезни и свое прошлое... начинают все заново, как бы заново рождаются. Я узнал о двух таких: одно в Казахстане, другое в Башкирии, в степи...

Не знаю, что там происходит, на свете много необъяснимых явлений, но люди выздоравливают... Может быть, отсутствие цивилизации, полная отрешенность от всего, единение с природой и с Богом, может быть, действительно какие-то загадочные силы там есть, но болезнь исчезает. И едут туда люди, которым медицина не оставляет надежд и, в основном, это онко-

логия. Давай попробуем, Осик, нельзя сидеть и оплакивать себя. Я прошу тебя, соберись с силами, не смей думать о Каринке, думай о себе, только о себе... Сконцентрируйся, подумай, что неправильно делал ты в жизни; где ошибка, с которой началось разрушение души... Болезнь – это признак разрушения божественной, защитной оболочки. Она следствие, а причина в тебе. Поэтому и медицина не может помочь. Хватит валяться по клиникам и травить свой организм всякой дрянью; решайся, Осик, а я готов помочь тебе всем, чем смогу. Надо, милый, надо выкарабкаться, а не хоронить себя.

Обнимаю и жду твоего решения, чтобы нача ть конкретно заниматься этой поездкой.

Н.

Иосиф

Колюнчик, какой ты молодец, что перешел на электронную почту. Я уже получил и прочел... Явное преимущество перед фельдьегерем в фуражке с кокардой, который вез бы твое письмо, написанное бисерным почерком, да еще на папиросной (как ты любил раньше) бумаге долго-предолго. Он бы, не торопясь, менял лошадей на станциях, грелся чайком из самовара за разговорами со станционным смотрителем, потом подлец-ямщик, спьяну, заплутал бы в степи (возможно, той самой, башкирской, где происходят всяческие чудеса) и они наколесили бы лишних сто верст... А когда добрались наконец до нашей тихой провинции, ан адресат-то уж и помер третьего дни... Шучу, шучу, не сердись.

Спасибо тебе, Колюнчик, за все. Я верю всему, о чем ты пишешь, знаю, что нетрадиционная медицина творит чудеса... Но думаю, что в моем случае уже поздно что-либо предпринимать... тем более такие радикальные изменения жизни. Выдохся я, устал... Умирать, конечно, не хочется, но и ехать куда-то за чудом – нет сил. Прости. Я, как шарик, из которого вдруг выпустили воздух, постарайся понять и не ругай меня очень-то. Да, я тоже сейчас думаю, почему мне не пришло в голову обследоваться в Москве два месяца назад? И время было – никуда не торопился... Уверен был, что все будет хорошо. Иногда ночами мелькнет мыслишка, а вдруг? но тут же и исчезает... Чувствовал-то себя действительно здоровым, полным сил, планов... Почему это случилось со мной? Так некстати, ей-богу... Понимаю, что бессмысленно задаваться вопросами, почему и за что, но так жалко своей жизни, столько еще хотелось сделать! По-видимому, наверху лучше знают, почему и за что. Давай не будем больше про болезнь, просто пиши мне и позванивай – хочется твой голос иногда слышать. Немного-то времени у нас еще есть, правда, Колюн? Обнимаю тебя.

Твой Осик

* * *

Nataly

«Полковнику никто не пишет...»

Мне тоже...

Куда вы исчезли, Иосиф? Очередной штурм творческих вершин? Ни сна, ни отдыха? Я могла бы легонько помассировать Вам плечи... помните? Буду надеяться, что Вы все же найдете минуту-другую...

* * *

Август 2009 года. Эрфурт

– Алло, Осик, здравствуйте вам...

– А, господин художник, рад тебя слышать.

- Голос бодрый, веселый...
- Да, смеемся тут с Дианкой, вспоминаем студенческие годы, Ереван...
- Веселее тебе с Динкой?
- Ну, о чем ты говоришь, старик, – совсем другое дело. Такая активная жизнь началась! Гулять ходим в парк, вчера долму сделали... Каринку угощали, она заезжала навестить...
- Как она?
- Да ничего, все нормально, без лишних эмоций. Я думаю, она рада, что Диана здесь и я не один. Оформила себе бафег на следующий семестр, это такой беспроцентный кредит для студентов от государства. А отдают, когда начинают работать.
- Видишь, а ты волновался за нее... Они сейчас совсем другие – и практичнее, и целеустремленнее... Мы-то были романтиками в их возрасте...
- Да, пожалуй... Так что одной заботой меньше – университет она закончит.
- Как себя чувствуешь?
- Да чувствую, чувствую пока... Видишь, смеюсь, шучу, сочиняю письма своей прекрасной незнакомке из Лиссабона.
- Что, все продолжается?
- И так это приятно: читать ее милые, такие женские письма. Много ли у меня радостей? Сейчас это для меня больше игра, маленькое удовольствие... хочется красиво уйти...
- Пижон ты все-таки, друг Осик!
- Не спорю... Но было, Колюнчик, было предвкушение чего-то настоящего... Ах, жаль поздно встретила мне умница Наталья... с другой стороны – на до радоваться и этому подарку от Господа, напоследок...
- Ну, запел, запел свою песню... перестань, Осик. Договорились ведь?
- Да, Колюн, каюсь... люблю всплакнуть... Но теперь со мной моя Дина-джан, она по головке гладит нежной ручкой, не то что ты...
- Вот-вот, я чувствую, какого благодарного зрителя ты получил... Ты же актер. И какой актер! Будешь развлекаться, разыгрывая маленькие античные трагедии, а Динулька – делать вид, что верит, и громко хлопать в ладоши... Ведь она тебя знает как облупленного...
- Ну вот, взял и все опошил... Дианка вон на часы показывает – сейчас медсестра придет укол делать. Пока, Колюнечка, Динка тебе шлет воздушный поцелуй.
- С богом, Осик. Динульку целую. Пока.

* * *

Иосиф

Вчера – легкое беспокойство в душе – заглянул на давно заброшенную мной страницу. Не зря, хоть и расстроился: нашел там обиженную на меня женщину Каюсь, каюсь... И хотя объяснений – оправданий выше крыши, но не люблю оправдываться. Просто виноват и все. Постараюсь ис правиться. Но и Вы хороши, голубушка Наталья! Вспомните свое письмо про жару, шорты и душ. Я, может, под впечатлением этого письма и в себя-то не мог прийти целый месяц! Так, может, и стою до сих пор под холодным душем, поскольку ни топора, ни дров не нашел. Всех соседей обегал, «кому говорю, дров наколоть?» Все отказались с удивлением... Нечуткие такие... Так что в другой раз поосторожнее с описаниями лиссабонской жары, а то не ровен час... Принципиально желаний может быть два рода: постоянные и внезапные. Постоянные и неутоленные (потому и постоянные) могут привести к глубокому синдрому неудовлетворенности. Приходящие и неутоленные приводят вообще черт знает к чему, и последствия у эмоциональных особей трагически непредсказуемы. И кто его знает, чем все это кончится, о Вас же беспокоюсь... А у меня сейчас одно-единственное внезапное желание: чтобы Женщина Наталья на меня не обижалась! Целую ручки.

Nataly

Здравствуйте, милейший Иосиф.

Помилуйте, какие обиды! Это мне впору просить прощения за неосторожные фразы, которые привели в смятение беззащитного Скорпиона. Скорее, скорее вылезайте из-под душа, да вот Вам полотенце, растирайтесь как следует, а то «не ровен час» и простудиться недолго. А я Вам уже чаю с мятой заварила, вот мед, вот лимон... Выпили? Теперь быстренько в постель, вот подушечку взбила, простынку подоткнула... Спите. Приятных Вам снов.

Иосиф

А поцелуй в лоб? Обещали!

Nataly

Ну, разумеется, как это я забыла... А теперь спать, поздно уже.

Иосиф

Дорогой мой Колюнчик, приветствую тебя. Бродил в Интернете, заглянул на твой сайт, посмотрел две последние работы... Что сказать? «Автопортрет» я видел в Москве в эскизах и тогда еще восхитился фантастическим замыслом... но в цвете! Жаль, что не увижу «живьем», даже картинка на сайте поражает мощью воплощения... Откуда это приходит к тебе? И слышу твой голос: «От Бога, Осик, все от Бога... я тут ни при чем. Сам иногда удивляюсь, неужели это я сделал?»

Конечно, Бог тебе дал талант, но к этому прибавь свою философию, острый ум математика, безудержную фантазию и невероятную работоспособность...

Помнишь, я впервые пришел с кем-то из ребят к тебе в мастерскую, на Петровке. Кажется, 81-й год... Я тогда мало кого знал в Москве, только переехал, а тут такая богема, настоящие художники, красивые девицы и ты... что-то рассказываешь... Сразу обратил внимание на твои аристократические руки и совершенную форму обритой головы, ну и, конечно, рост, атлетическая фигура... это просто физическое ощущение обаяния твоей личности... Все слушали тебя, девицы смотрели с обожанием, на меня – ноль внимания (а я к этому не привык, почувствовал соперника), и подумал: мол, светский сноб, краснобай, московский «выпендрейчик»... Стал рассматривать эскизы, лежащие на столе... ты тогда иллюстрировал книги. Сначала поразил рисунок, на мой искушенный взгляд он был безупречен. Потом стал вникать в содержание, и от удовольствия даже настроение поднялось! Насколько помню, речь шла о довольно скучных вещах: какие-то приключения пионеров в лагере и что-то на военную тему. Казалось бы, что можно высосать из этого? А у тебя было не меньше двух десятков эскизов, совершенно фантастических... Наверное, уже тогда я, привыкший быть во всем первым, признал тебя Главным...

Мне негде было работать, и ты предложил совершенно незнакомому фотографу пользоваться своей мастерской.

Так и началась наша дружба. Оказалось, что, несмотря на свой ум, интеллект и изрядную образованность, ты абсолютно неприспособлен к быту, простодушен и доверчив, чем пользовались все кому не лень. Помнишь, как я возмущался, когда тебя в очередной раз «кидали» (чаще всего на деньги), а ты смущенно оправдывался, что, мол, человек-то вроде совершенно порядочный, кто мог подумать?.. В такие моменты мне казалось, что это я на десять лет старше.

Но когда мы часами говорили о жизни, об искусстве, о любви, о нравственных ценностях, я понимал, насколько ты мудрее и тоньше меня... Видишь, какой экскурс в прошлое... Последние двадцать лету меня минуты свободной не было, зато сейчас все оставшееся время – мое. И я могу перелистывать воспоминания, как подзабытую книгу. Из каких-то угол ков памяти

вдруг появляются картинки из детства, какие-то яркие, многолюдные праздники, совсем молодой отец... Вспоминаю, как в Москву приехал, как с Ольгой познакомился... Помнишь, какая она была? Такая трогательная, такая милая... Бедная моя девочка! Я очень много думаю о ней, о своей вине... Раньше всегда считал себя обиженной стороной: ну чего ей не хватало? Работашь, как вол, ради семьи, а от нее ни помощи, ни благодарности – одни неприятности и вечный молчаливый укор. А сейчас понимаю, что, наверно, мог бы объяснить ей, как она нужна нам с Каринкой, какая она талантливая, особенная... Вместо этого раздражался и орал, чтобы взяла себя в руки и хоть чем-нибудь занялась. Даже хуже вещи орал – стыдно вспомнить...

Эх-ма, чтой-то я рассиропился, размяк в Дианкиных заботах. Ах, какая девочка была в восемнадцать лет! Первая красавица в университете! Ну я-то ее со школы еще знал... И такой преданный человек. Жаль, что у нее жизнь не сложилась... ни семьи, ни детей. Странно, дурнушки устраиваются, а красивые остаются в одиночестве. Вот и моя виртуальная любовь Натали: красивая, умная, тонкая – сидит одна в Лиссабоне и, наверно, не очень счастлива. Если бы все по-другому сложилось! Что ж так, прямо на лету? Ну, еще бы несколько лет!.. Ну, хоть пять... Что, много? Ладно, и на три согласен, я не гордый...

– Что это вы торгуетесь? Не на базаре чай... Повестку получили, огненными буквами писанную? Получили. Расписались? Расписались. Чем недовольны?

– Не в себе был. Подписал, не думая. Прямо сказать, подмахнул, не читавши... нельзя ли как-нибудь в другой раз? Я мигом, но вот попозже... сейчас – ну очень не с руки...

– Всем всегда не с руки! Что за народ! Только о себе думают... а нам тут повестки переписывай... А свехурочные кто будет платить? Пушкин? То-то... сознательнее надо быть. И чего тянуть? Перед смертью не надышишься... Ха-ха, извините, вырвалось... Да и вообще, сделал дело – гуляй смело! И вам спокойнее, и у нас отчетность в порядке.

Все, стоп, Остапа понесло...

Не сердись, глупо пошутил, но хоть какое-то развлечение...

Отвлёкся и не написал про портрет П. Портрет великолепный, но я эту личность вижу по-другому. Мне кажется, ты идеализируешь не очень симпатичного человека. Но тебе виднее.

Завтра ложусь в клинику, наверно, так будет лучше. Хотя чувствую себя неплох о, особенно с утра. К вечеру устаю, и хочется лечь, но это, я думаю, нормально. Врач настаивает на клинике – приходится подчиняться. А по большому счету мне все равно: клиника так клиника... Диане полегче, хотя бы свободное время будет... А то она только в магазин и назад, не хочет меня одного оставлять. Интернет в палате есть, телефон тебе сообщу, так что будем на связи... Знаю, ты не очень дружишь с клавиатурой, но постарайся, не ленись. А я твоим письмам бесконечно ради премного тебе благодарен. Ну, пока, господин художник... что-то утомился писавши... Обнимаю. *Иосиф*.

Nataly

А Вы знаете, милейший Иосиф, что это юбилейное письмо... ровно год длится наше виртуальное знакомство! Мне кажется, что мы побили все рекорды... И самое поразительное – не потеряли интерес друг к другу, по крайней мере я. За Вас не поручусь, Вы как раз «исчезаете» все чаще... Но поскольку причин для этого у Вас «выше крыши», не буду обращать внимания... пока не буду.

Я уезжаю на неделю с двумя русскими бизнесменами. Они приглашены посетить несколько фабрик по производству пробковых покрытий, и я буду сопровождать их по стране в качестве переводчика и экскурсовода. Надеюсь, что люди окажутся симпатичными, и тогда поездка не будет утомительной. А Вы подумайте пока, как мы отметим «годовщину».

Иосиф

Да, действительно год... 15 сентября. Снова осень. Но в Лиссабоне, я думаю, лето в разгаре. Как мы отметим нашу годовщину? А давайте кутнем, моя красавица! Что это мы, в самом деле, притихли и не совершаем никаких безрассудств? Напьемся Вашего хваленного, коварного вина, наделаем глупостей... Не пугайтесь, На талья, милых глупостей, ничего из ряда вон... Итак, форма одежды: Вы, разумеется, в моем любимом маленьком черном платье, не зря же закупили их в таком количестве. Волосы, зачесанные гладко, или как Вы захотите. Туфли непременно на высоком каблуке, поскольку будете опираться на мою сильную руку, и я удержу Вас, по каким бы шатким мосткам мы ни бродили этим вечером.

А я, не обессудьте, душа Наталья, но чур без смокинга, для контраста надену светлые льняные брюки и белую рубашку.

Белое и черное – будем смотреться вполне гармонично.

Сначала пройдемся по набережной, Вы покажете мне свою любимую кофейню, выпьем по чашечке кофе с рюмкой «Амаретто» в качестве аперитива, подышим соленым воздухом... Я буду смотреть в Ваши темные, чуть печальные от сознания собственной красоты таза и почувствую, что наконец счастлив... счастлив и спокоен: все развеялось, улетело прочь, и рядом со мной бесконечно дорогая мне женщина.

А потом мы выйдем на главную авениду и зайдем в какой-нибудь подходящий для нашего праздника ресторан. Не безлико-пафосный, а уютный и стильный, со свечами и террасой, увитой зеленью. Сядем за самый дальний столик в углу, где нам будет казаться, что мы отделены от всего мира этой переплетающейся глянцевой листвой. Музыка звучит приглушенно, официант зажег свечу, и Вы обсуждаете с ним меню, а я не принимаю участия – мне все равно, что принесут... я просто люблюсь Вами, и мне хорошо... И не хочется уже совершать никаких безумств, а хочется слушать Вас, смотреть на Вас и говорить Вам, без шуточек и иронии, добрые и нежные слова...

Nataly

Спасибо, милый Иосиф. Спасибо за чудесный вечер!

Нет, наверное, Вы все-таки ангел, и ошибаются те, «кто не разделяет этого мнения»... Так тепло и спокойно стало у меня на душе, когда, вернувшись домой, прочитала Ваше письмо... как будто услышала все те «добрые и нежные» слова... Предчувствие счастья и какая-то неуловимая грусть... Отчего? Что-то есть в Ваших словах... печаль? Или мне показалось? Может, оттого, что, поспешно собираясь, Вы забыли про цветы? Ах, не огорчайтесь, мой дорогой Скорпион, это такие пустяки...

Не смейтесь, но мне хочется прочесть Ваше письмо еще раз, не торопясь...

Иосиф

Ах да, цветы... Ну, разумеется! Как это я оплошал? Вы меня так ослепили своей красотой, что забыл сказать – цветы оставил у привратника. А он что, до сих пор не принес их? Вот подлец... запил, наверное... не надо было чаевых давать... Ну ничего, проспится и принесет. Но Вы-то уж чаевых не давайте – печень посадит...

Знаете, Наталья, я тут га дал, какие цветы Вы любите. Странно, что, обсуждая самые различные темы, мы о цветах никогда не говорили. Решил на свой страх и риск выбрать те, что я люблю. Терпеть не могу нарядные, неживые букеты, упакованные в сетчатые, шуршащие блестящие банты и ленты и не пахнущие ничем, кроме химии.

А так как в нашем виртуальном мире возможно все, я прилетел к Вам прямым рейсом из Еревана и привез свои любимые розы.

Не красные, но бордовые, почти черные по краям, большие, тяжелые, абсолютно бархатные на ощупь, пахнущие дурманяще-сладко (в детстве мне казалось – компотом, и я жевал лепестки). Эти розы достойны Вас, милая Натали!

Nataly

Спасибо, Иосиф, за чудесные цветы!

Привратник только что принес их, вид у него действительно неважный... Цветы роскошные, просто царственные, а пахнут... у меня кружится голова...

Иосиф

Колюнчик, дорогой, привет!

Хочу написать тебе еще... хотя тяжело становится сидеть, устаю быстро, да и по клавиатуре стучать – сил нет. Вечером не могу даже читать – буквы расплываются, ничего не вижу. А так болей никаких нет, колют меня каждый день... наверное, обезболивающее, ну и от этих уколов сонливость какая-то, апатия...

Так что после обеда я уже не встаю: дремлю, думаю о какой-то ерунде или о чем-то, что мне кажется важным. Хочется тебе напоследок сказать что-то, что меня тревожит... ночью так ясно было, а сейчас мысли с трудом собираю в кучку.

Ты – эстет слога, но прости за корявость изложения – я не в лучшей форме последнее время...

Боюсь ли я смерти? Конечно, боюсь. Не боли, нет... знаю, что здесь сделают всевозможное, чтобы она не была мучительной... Другое меня гнетет: я ведь достаточно пассивный христианин, как-то всерьез о Боге не задумывался и Библию прочел скорее с познавательной целью... И снова восхищаюсь тобой: у тебя отношения с религией естественные, как само собой разумеющееся... А с Богом и вовсе дружеские... вы друг другом вполне **ДОВОЛЬНЫ**: он – тем, как ты используешь данный тебе талант, а ты – тем, как славно все устроено в мире.

А я вот сомневаюсь: вдруг ничего там нет, только черная, холодная пустота? И этих мыслей боюсь, а из-за них и смерти боюсь. Стараюсь гнать от себя эти сомнения, мысленно прошу прощения у тех людей, которых обижал... не со зла, атак... Ты всегда говорил: «Пижон, позер, мальчишка...» От этого и был, очевидно, так обидно снисходителен к людям, особенно по молодости... Теперь вот каюсь...

Тебе благодарен за все, не морщись, пожалуйста, дослушай, это не сантименты – просто момент такой настал... Ты единственный, кто мог меня «поставить на место», никому это не позволялось, а ты делал так незаметно, необходимо, с присущим тебе юмором и тактом. Вообще ты научил меня очень многому – спасибо тебе, Колюнчик.

Теперь о Диане: не бросай ее, позванивай, поддерживай как-то. Я всегда был для нее самым близким другом, почти родственником, ей будет тяжело... ты подбадривай ее, ладно? И скажи ей, как я благодарен за дружбу, за преданность, за эти последние недели рядом со мной. Сам не могу сейчас ей сказать, она держится хорошо, но если начну прощальные разговоры, боюсь, сорвется в слезы, а этого не хочется, слишком тяжело... Ты скажи, как она дорога мне, как я рад, что она всегда была в моей жизни... И пусть простит, если я делал что-то не так.

Вот такое поручение тебе, Колюня... Все остальное знает Диана. Бедная, сколько я на нее взвалил! Ты и Динка – самые близкие мне люди, так не хочется с вами расставаться.

Ну все, не буду... знаю, что не любишь...

Обнимаю тебя и надеюсь, что там, за рекой, есть то, о чем мы все мечтаем...

Твой Осик.

Nataly

Здравствуйте, Иосиф!

Что-то Вы совсем замолчали? Грустно без Ваших писем, как будто праздник кончился... Не хотела мешать – чувствую, что не до меня... но вот не выдержала, решила написать... У нас сегодня совсем осенний день: небо затянуто, ветер холодный и дождь с самого утра. От этого

неуютно и как-то даже жаль себя... Но для осени еще рано, середина октября – бархатный сезон. Думаю, что завтра выглянет солнце, и настроение сразу изменится... Вообще октябрь и ноябрь – лучшее время для поездки сюда, мы с Вами об этом когда-то говорили. Не жарко, но замечательно тепло и очень красиво. Сегодняшний дождь просто случайно задержался над Лиссабоном.

Я немного беспокоюсь, все ли у Вас в порядке? Даже прошлогодний осенний шторм, аврал, а такие и победы оставляли Вам немного времени для общения. Но надеюсь, что Вы успешно справитесь с той лавиной дел и обязательств, которая накрыла Вас...

Тем более совсем скоро наступит время Скорпиона, Ваше время – всегда удачное и плодотворное для Вас. Освободитесь от всего, будете отдыхать, расслабляться и, надеюсь, писать мне обо всем интересном, что происходило в Вашей бурной жизни за это время. Если серое эрфуртское небо будет угнетать южную душу, можно перенести Вашу виртуальную поездку в реальную, что Вы, кажется, и планировали этой осенью. Я думаю, что реальный Лиссабон покажется даже лучше, чем так романтично описанный Вами.

Представьте, Ваши дивные розы по-прежнему свежи и прекрасны... стоят в большой стеклянной вазе на полу и радуют меня даже в такой хмурый день, как сегодня. Наверное, они впитали все солнце Армении, поэтому бессмертны...

После расслабляющего лета в Лиссабоне всегда подъем активности общественной и светской жизни. Работы прибавляется, и скучать не приходится. Почти все лиссабонцы вернулись из отпусков, поэтому много встреч: как с друзьями, так и деловых. Иногда и черные платья достаются из шкафа... А как же! Протокол. Но не беспокойтесь, мой молчаливый Скорпион, все не сношу, останутся и для нашей встречи... если она состоится... Но уж если меня занесло в водовороты Скорпионовой судьбы, надо быть ко всему готовой. Удачи Вам, Иосиф, в решении всех своих проблем и... возвращайтесь... Очень хочется обнаружить в своем почтовом ящике Ваше письмо, ироничное, интересное, бодрящее, как глоток густого черного кофе. А вот, кажется, и солнышко проглядывает, я же говорила, что это случайный дождь. Не прощаюсь надолго.

* * *

Октябрь 2009 года. Эрфурт. Клиника

– Алло, Диночка, ты? Это Коля...

– Да, да, я слушаю, сейчас... сейчас... вот вышла в коридор, а то Осик заснул. Здравствуй, Коленька!

– Получил письмо от Осика, грустное такое... так тяжело мне стало... Как он?

– Плохо. Ну не плохо, а, наверное, как и должно быть...

– Что врачи говорят?

– Говорят, что скоро...

– Господи, ну почему все так? Он спит? Я хотел с ним поговорить.

– Ты знаешь, он последнюю неделю говорит с трудом, задыхается... Лучше напиши, я ему прочту...

– Как ты, Динуль?

– Ничего, держусь... Стараюсь здесь не плакать, но трудно сдержаться, когда смотришь на него.

– А Карина как?

– Она? Ну звонит мне каждый день, приезжала два раза, занятия у нее... Не знаю, переживает, наверно, но так держится спокойно.

– А Ольга не была у Осика?

– Нет. Странная она, конечно. Я ее в супермаркете встретила, еще когда Осик дома был. Говорю ей: «Оля, зайди как-нибудь к Осика, ему приятно будет. Есть еще время все забыть и простить друг друга, вы ведь близкие люди...» Знаешь, что она мне сказала? «Ты всю жизнь за ним, как собачка, бегала, все надеялась, что тебе косточку бросят. Вот дождалась! Никого не нашлось, кроме тебя, рядом с ним сидеть. Вот ты его и прощай!»

– Господи, с чего она на тебя набросилась? Не похоже на нее, такая тихая, деликатная всегда была...

– Да, женщины все по-другому чувствуют, Коленька. Ольга всегда знала, что я Осика любила... и знала, что у нас роман был...

– Я не знал, Динуль, извини. Осик так тебя любит, я думал ты ему, как сестра... вы же с детства вместе...

– Да и Осик так считает, в клинике все думают, что я сестра... Он забыл давно про нашу безумную любовь... Это же на первом курсе еще было... восемнадцать лет, можешь себе представить, какие страсти полыхали! Я и на полиграфический поступила из-за него... куда он, туда и я...

– Теперь понятно, почему вы так привязаны друг к другу... Жаль, что не получилось...

– Слишком молодые были, максималисты, прощать не умели... Он приревновал – поссорились, стал назло мне с другой девчонкой встречаться... А я в отместку замуж выскочила... детский сад... Через год развелась, но Осик уже влюблен был... знаешь, как он умеет влюбляться... Красиво и на всю жизнь! Только проходит быстро... Но вот с Ольгой, видишь, все было по-другому.

– Странно, они совсем разные...

– Любил, наверное... Потом Каринка родилась, он от счастья прыгать готов был. Ну и для нас, армян, семья – это святое. Я – исключение, белая ворона... Ничего, что я тебе исповедаюсь?

– Динуль, ну ты что!

– Я ведь за Игоря замуж вышла, чтобы в Москву переехать, ближе к Осика... Игорь очень хороший, ты же его знаешь, и жили мы неплохо... Он мне столько помогал в работе, практически всему научил... Я рада, что у него сейчас нормальная семья, ребенок... А мне, видно, на роду написано быть одной...

– Диночка, ну что ты говоришь! Ты такая красавица! Просто тебе сейчас тяжелее всех, но все проходит со временем, ты же знаешь... Жизнь все равно будет продолжаться, будут свои радости, все еще будет у тебя.

– Ага, в пятьдесят лет...

– Да кто тебе даст пятьдесят! Ты как Осик – не меняешься. Совершенно молодая женщина...

– Нет уж... Я лет пять назад собралась замуж за нашего ереванского парня, Осик его хорошо знает. Ну конечно, звоню ему, как быть? А он смеется! «Ой, Дианка, ты у меня будешь чемпионкой по разводам! Не надо, не подходит он тебе». Ну и все. Он прав, какая из меня жена? Так никого и не сумела полюбить, кроме Осика. Ты знаешь, Коленька, я все думаю: за что, за что ему все это? И мне кажется, рак – это следствие, а причина совсем в другом. Человек даже не курил никогда, откуда этот рак взялся? Нет, это все от отсутствия любви. Я не секс имею в виду, а именно атмосферу любви. Мы, армяне, такой народ, нам нужно солнце, ощущение тепла, радости общения, нужен смех... Мы ведь очень много смеемся, шутим, говорим друг другу нежные слова, для нас это обычная форма общения. Осик был единственным ребенком в большой, дружной, красивой семье. Многочисленные родственники, тетушки, бабушки, молодые кузины, и на всех один Осик. Сестра родилась, когда ему было десять, а до этого на него только что не молились. А потом друзья, девушки... И в Москве то же самое. Вспомни, как мы общались, сидели до утра, смех, разговоры, а потом Ольга, Каринка... Всегда ощущение

ние радости, любви друг к другу. Он уехал, и все разрушилось, даже семья. Да, были коллеги, приятели, женщины, но это все не то – чужое, не грело душу Понимаешь? Равнодушные вокруг, вежливые улыбки, холод... И так много лет. Редкие поездки в Ереван, редкие встречи, он так радовался... Бедный мой Осик! Как я буду без него? Он всегда был в моей жизни, а сейчас я останусь одна.

– Динуль, ты же знаешь, что я всегда рядом. Ты для меня – часть Осика. И горе мы будем переживать вместе... Думаешь, мне легко? Я письмо читал, плакал... не мог сдержаться. А ты там, рядом... тебе в сто раз тяжелее... Ну не плачь, Диночка, не плачь, родная... не надо, чтобы Осик видел. Пусть он уйдет спокойно.

– Да, да... сейчас... умоюсь, пойду, может, он уже проснулся? Я тебе позвоню, когда... когда...

– Да, милая, да, я понял. Иди.

* * *

Иосиф умер солнечным, прохладным утром в конце октября.

На гражданскую панихиду пришло неожиданно много народа, хотя Карина никого не оповещала специально, просто дала объявление в эрфуртскую газету. Пришла и Ольга... Они стояли рядом: Карина, Ольга и Диана. Лицо у Ольги было печальное и какое-то светлое.

Урну с прахом Карина с Дианой увезли в Ереван, где и захоронили рядом с отцом. Скорпион вернулся домой, его земной путь был окончен.

Послесловие

Иосиф

Здравствуйте, Наталья прекрасная!

Долго размышлял, писать это письмо или нет? Но я уже как-то говорил, что когда двое – уходить по-английски – дурной тон. А этого даже при сложившихся обстоятельствах не могу себе позволить. Да Вы никоим образом такого не заслужили...

Так легко и с удовольствием писались раньше письма к Вам... А сейчас не могу найти нужных слов, боюсь впасть в патетику и безвкусию.

Но надо поторопиться, а то и вовсе не удастся написать...

Милая Натали, Вы же врач и вообще удивительная женщина, так что без подготовки... В январе мне сделали операцию – рак легких. Химиотерапия, сана торий и т. д. Все было хорошо, по мнению врачей. И, как Вы знаете из моих писем, я был полон оптимизма и строил всякие разные планы... В Лиссабон, честно говоря, я хотел приехать сюрпризом сразу после Нового года, но не вышло... Но уж в том, что мы встретимся осенью, – не сомневался. А вот не судьба... Печально.

В июле лег на обследование, и все оказалось много хуже, чем ожидали. К ороче, шансов у меня нет, и очень скоро, милая Натали, я отправлюсь в другое путешествие.

Безумно жаль расставаться с Вами, моя красавица. Спасибо за Ваши письма, поверь те, это лучшее, что было у меня в последний год. Очень много еще хочется сказать Вам, но во-первых, сил уже нет, а во-вторых, не передать на расстоянии всего, что я чувствую. Не печальтесь, милая, просто вспоминайте иногда «зловредного» Скорпиона... и помолитесь за меня, если умеете.

Целую Ваши тонкие, прохладные пальцы, живите ярко и с удовольствием. И непременно... нет, всенепременно увидите, задумчиво попивая кофе на набережной, как в гавани появятся алые паруса Вашей судьбы! Вы обязательно будете счастливы и любимы, моя прекрасная Натали. Верьте Скорпиону!

Ваш Иосиф.

P.S. Не знаю, как выразиться. Не хочется: «Когда Вы будете читать эти строки, любовь моя, меня уже и т. д...»

В общем, это письмо отправят Вам мои друзья, когда все закончится.

Прощайте и еще раз спасибо Вам за все.

Арбатский дождь

Посвящается моим подругам, умницам и красавицам

Алина продвигалась в потоке машин по бульварному кольцу. Она никуда не торопилась, но медленная езда ее раздражала. Когда-то они жили в одном из арбатских переулков, и Алина всегда заезжала с бульваров, а не с Садового. Бульвар был своим: тихим и домашним. Заме-

тенный снегом сквер, пляшущие в свете фар снежинки, одинокие прохожие... Ей он больше нравился зимой. Летом бульвар до позднего вечера был заполнен гуляющей публикой, а зимой принадлежал жителям соседних переулочков.

Сейчас эти переулки не узнать: иногда двум машинам трудно разъехаться из-за автомобилей, припаркованных около голубых и розовых особнячков. Все отстранировано, заполнено людьми, рекламой, светом... Алине было жаль того старенького, уютного и тихого Арбата, в котором она когда-то жила, гуляла с собакой, покупала свежие бублики с маком в булочной на углу... Сейчас там французская кондитерская и вместо бубликов круасаны... Тоже вкусно...

Из задумчивости ее вывел странный шелест, добавившийся к привычным звукам машины. Она прислушалась: да, явно что-то не так... «Только бы не колесо, этого мне не хватало!» – с досадой подумала Алина и, включив аварийку, стала пробираться к тротуару. Действительно, заднее колесо оказалось спущенным и достаточно сильно. Придется просить кого-нибудь поставить запаску. Несмотря на многолетний водительский стаж, замена колеса была знакомом Алине только теоретически.

Она огляделась, оценивая ситуацию. Машины шли плотным потоком. Ни свободного такси, ни скромного «жигу – ленка» с пожилым водителем, готовым помочь за деньги... Мимо проезжали благополучные иномарки, и никто не торопился остановиться около мигающей аварийками машины. Был летний нежаркий полдень... В голове мелькнула мысль, что все это ей очень знакомо, это уже было, она уже стояла здесь на Гоголевском около машины...

Да, действительно, только чуть дальше, у дома, где был раньше магазин «Ткани». И она вдруг вспомнила тот далекий день...

Алина стояла на Гоголевском бульваре и с досадой смотрела на свой «жигуленок-двушку». Опять спустило колесо. Кузнечик, конечно, не виноват, резину надо менять, она свое отработала, и не без помощи Алины. Но где взять? Резина – дефицит, как, впрочем, и все остальное.

Даже двойная цена, обещанная Алиной, пока не принесла результата.

В этот раз она даже руку не успела поднять, прося о помощи. Рядом притормозила «шестерка» модного цвета «коррида», из которой вышел высокий симпатичный парень.

– Какие проблемы? – улыбаясь, спросил он.

– Да вот, колесо... – вздохнула Алина, придав лицу выражение трогательной беспомощности.

– Запаска есть?

– Должна быть, вы посмотрите...

Парень вытащил запасное колесо и профессионально быстро снял спущенное.

– А резина у вас, девушка, дрянь, совсем лысая... Как вам муж разрешает на такой ездить?

– Муж далеко, в командировке... Не знаю, что и делать с этой резиной, все обещают, обещают, а толку нет... – грустно улыбаясь, сказала Алина и протянула парню бумажную салфетку.

– Вот возьмите, руки вытереть.

Деньги у Алины все равно никто не брал, она это знала и не обижала своих спасителей. А вот слова благодарности: «Вы меня просто спасли, спасибо вам огромное, ах как жаль, вы испачкали куртку, я вам ужасно благодарна и т. д.», на это Алина не скупилась. Но парень опередил ее.

– Значит, действуем так: мою машину оставляем здесь, а на вашей едем в Кокосово-Борисово за резиной.

– Куда едем? – удивилась Алина.

– Да в Орехово-Борисово, – засмеялся парень, запирая свою машину.

– Ой, это же так далеко, а у вас свои дела, наверное? Неудобно как-то...

– Да ладно, поехали. Только я за рулем, на такой резине лучше сам.

Алина села рядом, никакого сомнения или страха, что он маньяк и завезет невесть куда, у нее даже не возникло.

– Ну, давайте знакомиться. Серега.

– Алина. Наверно, лучше Сергей или Сережа.

– А это как хотите. Все зовут Серега или Серый.

– Нет, нет, я лучше буду звать вас Сережей. Так в жизнь Алины вошел Серый.

А за две недели до этого она проводила в Америку мужа. Он уезжал на год или два, а может, навсегда. Бежал от своей депрессии, устав вдруг от всего. Последние полгода были тяжелыми, Алина пыталась понять и помочь, но не сумела ни того, ни другого. Возможно, ему хотелось освободиться от Алины, которую он любил осознанно со всеми ее недостатками. Любил, предоставив ей полную свободу, ничего не запрещая и ни в чем не упрекая. И эта абсолютная свобода, в которой терялись их близость и понимание, тоже стала одной из причин его депрессии. Илья был журналистом-международником, говорил и писал на нескольких языках. Много лет они прожили за границей. В 89-м все стало меняться, появилась свобода выезда, и, имея пятилетнюю американскую визу и реальные предложения, он решил уехать в одиночку и переосмыслить свою жизнь.

Их шестнадцатилетний сын учился за границей, еще один плюс привилегированного положения в стране Советов. Муж Алины зарабатывал приличные деньги, и они могли себе позволить дать сыну хорошее образование. Во всяком случае, окончить гимназию в Западном Берлине, где они прожили последние восемь лет.

Сама Алина никогда не работала. Вышла замуж в девятнадцать лет и стала ездить с Ильей за границу. Появился ребенок, постоянные переезды, в Москве подолгу не жили, так что пришлось осваивать карьеру домохозяйки.

Алина была веселой оптимисткой и, хотя ныла иногда по поводу Москвы, друзей и близких, но хорошо понимала, насколько их жизнь за границей отличалась от жизни обычных москвичей.

И вот теплым майским днем 89-го года молодая, свободная, беспечная Алина ехала в неведомое ей Кокосово-Борисово с симпатичным веселым парнем по имени Серый, Серега, Сережа.

В автосервисе Алина была усажена на скамейку, а Серый здоровался с мастерами в замасленных комбинезонах, хохотал с ними, и было видно, что все ему рады. Выскочил плотненький дядька в мешковатом костюме.

– Привет, Серега. Как дела? Что? Весь комплект? Серый, имей совесть, мы всего ничего получили. Да я обещал уже людям... Что, еще и диски? Ну ты бы хоть предупредил...

– Давай, давай, Коля, не жмись. Да пусть поскорее сделают, некогда рассиживать. Ты знаешь, я в долгу не останусь.

И вот через полчаса Кузнечик бодро выкатился из ворот на новеньких колесах. Серый сидел за рулем, Алина села рядом.

– Сколько я должна, Сережа?

– Да ладно, ерунда.

– Сережа, я в состоянии заплатить любую цену. Вы и так меня буквально спасли.

– Да ладно, Алина, расслабься. Мне это ничего не стоило, с меня здесь денег не берут.

– Ну, это ваше дело, а я хочу заплатить по коммерческой цене, как везде.

– Ух ты, даже по коммерческой! Тогда давай так: машина твоя требует хорошего ремонта, там стучит, здесь гремит – ты ее заездила. Я ребятам скажу, они все сделают, потом разберемся, идет?

– Ну конечно, – обрадовалась Алина.

То, как легко он перешел на «ты», ее удивило, но она решила не обращать внимания. На Гоголевском Серый пересел в свою машину и, сказав, что позвонит в ближайшее время, укатил.

Он позвонил на следующее утро, спросил адрес и попросил спуститься во двор через час. Оказалось, что ехать Алине никуда не нужно, Серый сам отвезет Кузнечика в сервис и через пару дней привезет назад.

– Вы попросите их не задерживать, мне без машины не очень удобно, – сказала Алина.

– Да нет, сказал два дня, значит, послезавтра вечером привезу. Работы там много. А без машины не останешься. Бери документы, ключи, будешь на моей ездить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.